

Уважаемые коллеги!

Закончилось лето. В очередной раз открывает двери Российская академия адвокатуры и нотариата, где студенты получают фундаментальные теоретические знания, практические навыки и, что не менее важно, дух профессии. Наши преподаватели воспитывают в них моральные качества настоящих юристов: целеустремленность, принципиальность, умение вести дискуссию, любовь к людям и своей работе. Именно такой подход позволяет подготовить стоящих специалистов своего дела и продолжателей давних традиций профессии адвоката.

А сами адвокаты уже вернулись из отпусков. Хотя некоторые и не ездили вовсе – для адвоката не существует понятия «отпуск». В любое время – неважно, зима или лето, осень или весна, даже в отпуске – адвокат не перестает отстаивать законные права и интересы доверителей. Даже в отпуске адвокат консультирует своего подзащитного, дает ему дельные советы, разъясняет трудные моменты защиты. Ведь главная цель адвоката – на основе правовой позиции помочь доверителю, обратившемуся к нему за помощью. «Есть такая профессия – людей защищать», – именно так можно охарактеризовать нашу профессиональную деятельность.

Главная тема нынешнего номера журнала – обсуждение Федерального закона № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», позволяющего возобновлять уголовное дело или пересмотреть ранее принятое судом решение, если установлены факты совершения обвиняемым более тяжкого преступления. Все мы знаем, что в последнее время появляется множество законопроектов, которые ухудшают положение обвиняемого, а теперь и подсудимого. До принятия этого законодательного акта положения Уголовно-процессуального кодекса РФ позволяли отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, если новые факты свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

Конечно, во время судебного разбирательства могут выявляться различные обстоятельства дела, и вполне возможно возникновение такой ситуации, когда судья увидит, что надо действительно провести дополнительные экспертизы или какие-то другие следственные действия. Но «поворот к худшему», когда уже суд вынес решение, считаю недопустимым. Даже в советской системе правосудия данная формула была неприменима.

Такое решение может иметь негативные правовые последствия еще и потому, что в России бывают так называемые «казачьи дела». К примеру, кому-то может не понравиться решение суда, этот «кто-то» посчитает, что наказание, вынесенное судом, слишком мягкое. В этом случае есть вероятность того, что заинтересованные лица будут ходатайствовать об отмене приговора и направлении дела на доследование с целью пересмотреть его в сторону, ухудшающую положение обвиняемого.

В прошлом номере мы обратились к коллегам высказать свое мнение по поводу этого закона. И сегодня мы знакомим наших читателей с их мыслями и рассуждениями, касающимися изменений в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Г.Б. Мирзоев,
главный редактор журнала «Адвокатские вести России»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 04 апреля 2012 года. Свидетельство ПИ № 77-49336
Учредитель: Гильдия российских адвокатов

Адрес и телефон редакции:
105120, Москва, М. Полуярославский пер., 3/5,
тел.: (495) 917 22 39, факс: (495) 917-30-67.
E-mail: a_vesti@inbox.ru

Перспективы взаимодействия общества и власти в рамках государственной системы электронного обмена корреспонденцией

17 июня 2013 года в зале международного мультимедийного пресс-центра РИА Новости состоялся круглый стол на тему «Перспективы взаимодействия общества и власти в рамках государственной системы электронного обмена корреспонденцией».

Участники обсудили инициативный авторский проект федерального закона «О государственной системе электронного обмена корреспонденцией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подготовленный депутатом Государственной Думы А.Ю. Русских совместно со специалистами из бюро адвокатов «Де-юре» МГКА. Целью законопроекта является создание единого сервиса взаимодействия граждан с органами государственной власти при помощи официальной электронной почты.

В работе круглого стола принял участие и выступил президент Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоев.

В заключении своего выступления Гасан Борисович поблагодарил за активную законотворческую работу заведующего Бюро адвокатов «Де-юре» (член Гильдии российских адвокатов) Н.В. Филиппова и вручил ему высший знак отличия ГРА «За вклад в развитие адвокатуры».

Школа адвокатов Республики Армения и РААН подпишут соглашение о сотрудничестве

17 июня 2013 года состоялась встреча ректора Российской академии адвокатуры и нотариата Г.Б. Мирзоева и директора Школы адвокатов Республики Армения Н.Ю. Багдасаряна, в результате которой достигнута договоренность о сотрудничестве между учебными учреждениями по вопросам реализации образовательных программ.

Открытие бюста Ромена Ароновича Звягельского

27 июня 2013 года в Центральном доме адвоката состоялось открытие бюста первого главного редактора общероссийского журнала «Российский адвокат», президента Ассоциации адвокатской прессы России, вице-президента Гильдии российских адвокатов Ромена Ароновича Звягельского. В этот день ему бы исполнилось 76 лет.

На мероприятии присутствовали друзья и родственники Ромена Ароновича, его коллеги, авторы журнала «Российский адвокат».

Президент ГРА Г.Б. Мирзоев поблагодарил собравшихся за то, что они хранят добрую память о Ромене Ароновиче и напомнил, что Ромен Аронович снискал огромный авторитет и уважение как в

журналистской среде, так и в адвокатском сообществе, сделал очень многое для российской адвокатуры и был фактически создателем адвокатской прессы.

Напомним читателям, что общественно-правовой журнал «Российский адвокат», учрежденный в 1995 году по инициативе президента ГРА, является официальным печатным органом Федеральной палаты адвокатов РФ.

Адвокатуре Абхазии 90 лет

В мае этого года адвокатское сообщество Республики Абхазия отпраздновало 90-летие со дня образования адвокатуры.

В конференц-зале Кабинета Министров Республики Абхазия состоялось заседание, посвященное этой знаменательной дате.

Начало формирования абхазской адвокатуры было положено в январе 1922 года. Ревком ССР Абхазии принял постановление «Об организации защиты по уголовным делам и представительство сторон по гражданским делам», а 6 мая 1923 года на объединенном заседании Президиума ЦИК и Совнаркома ССР Абхазии утвердили положения «Об адвокатуре» и «О коллегии защитников». В настоящее время статус адвоката в Республике имеют 90 человек.

Руководитель Администрации Президента РА Беслан Кубрава зачитал поздравительный адрес от имени президента РА Александра Анкваба, в котором в частности говорится: «Сегодня, когда возрождается абхазское государство, фор-

мируется его международный авторитет, велика роль национальной адвокатуры. Укрепление демократических институтов и развитие гражданского общества напрямую зависит от состояния адвокатского дела в стране. С осознанием ответственности перед обществом и государством в абхазском юридическом сообществе в целом необходимо развивать корпоративную культуру, продолжать совершенствовать действующее законодательство и работу судебной системы. Государство в этом заинтересовано и готово оказывать всестороннюю поддержку».

Поздравить абхазских адвокатов с юбилеем приехали коллеги с разных уголков страны. Заместитель президента Гильдии российских адвокатов В.А. Талалайко от имени президента Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоева поздравил всех собравшихся и вручил награды и почетные грамоты выдающимся, а также молодым адвокатам Республики Абхазия.

Очередное заседание Ученого совета РААН

27 июня 2013 года состоялось очередное заседание Ученого совета Российской академии адвокатуры и нотариата под председательством ректора Г.Б. Мирзоева.

В заседании приняли участие президент РААН М.М. Бабаев, первый проректор РААН Р.В. Шагиева, а также проректоры РААН: А.А. Власов, А.И. Мякенький, Р.П. Смирягина, декан юриди-

ческого факультета З.Я. Беньямина и другие.

На заседании обсуждались итоги четвертого координационного совещания руководителей диссертационных советов по юриспруденции, а также итоги совместного заседания Совета Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов Российской Федерации и Общего собрания членов Ассоциации юридического образования, состоявшегося 25 мая 2013 года в Саратове.

Декан юридического факультета З.Я. Беньямина огласила результаты летней зачетно-экзаменационной сессии; первый

проректор Р.В. Шагиева доложила членам Ученого совета об итогах участия в международной конференции в г. Ниш (Республика Сербия) и о перспективах дальнейшего сотрудничества.

Благодарность Г.Б. Мирзоеву

4 июля 2013 года состоялось итоговое заседание Комитета Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов. Председатель Комитета А.К. Исаев доложил о результатах работы за последний год и о планах на будущее.

В ходе заседания Андрей Константинович в соответствии с решением Комитета от 2 июля 2013 года вручил Благодарность за активное и плодотворное сотрудничество, а также за личный вклад в развитие социального и трудового законодательства самым инициативным депутатам и членам Экспертного совета, в том числе награжден первый заместитель председателя Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов президент ГРА Г.Б. Мирзоев.

Очередной выпуск в колледже РААН

В конце июня в Колледже РААН закончились экзамены. В этом году более тридцати юношей и де-

вушек получили первый в своей жизни профессиональный диплом юриста по специальности «Право и организация социального обеспечения».

Ректор Российской академии адвокатуры и нотариата Г.Б. Мирзоев торжественно вручил студентам колледжа долгожданные дипломы.

На вручении присутствовали директор колледжа С.Н. Драган, проректор РААН А.И. Мякенький, а также декан юридического факультета З.Я. Беньяминова. Ребята поблагодарили профессорско-преподавательский состав за проявленное ими терпение, профессионализм и отзывчивость.

Вручение дипломов в РААН

В Российской академии адвокатуры и нотариата завершилась выпускная экзаменационная сессия. Все выпускники успешно сдали экзамены и защитили квалификационную работу, а семь студентов подтвердили свои отличные знания, полученные за время обучения в Академии.

Ректор РААН Г.Б. Мирзоев вручил дипломы с оценками «отлично» следующим выпускникам:

1. Куцина Юлия
2. Лемеш Александр
3. Мусатова Екатерина
4. Петрова Дина
5. Сологубова Мария
6. Хачатарян Нарине
7. Шинкаренко Дина

Поздравляем выпускников 2013 года с успешной сдачей экзаменов. Желаем им успешно применять полученные знания на практике!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Внимание! Прием на новый учебный год!

Российская академия адвокатуры и нотариата продолжает прием документов на новый 2013-2014 учебный год по направлению «Юриспруденция» и специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность», специальности по программе среднего профессионального образования «Право и организация социального обеспечения».

- **бакалавриат «Юриспруденция» очная и заочная форма обучения** (группа выходного дня, занятия по субботам)

Вступительное испытание:

- результаты ЕГЭ по русскому языку, истории, обществознанию;
- собеседование – для получения 2-го высшего образования и на основании среднего профессионального образования (профильного).

- **специалитет «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность»**

Вступительное испытание:

- результаты ЕГЭ по русскому языку, истории, обществознанию;
- собеседование – для получения 2-го высшего образования и на основании среднего профессионального образования (профильного).

- **специальность по программе среднего профессионального образования «Право и организация социального обеспечения»**

Вступительные испытания: на основании 9-го класса:

- результаты ГИА по русскому языку и тестирование по истории;
- результаты ЕГЭ по русскому языку и обществознанию – на основании 11 класса.

МАГИСТРАТУРА:

Магистерские программы:

- «Адвокат в гражданском и арбитражном процессах»
- «Нотариус и нотариальная деятельность»
- «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура и адвокатура»
- «Корпоративный юрист»
- «Международное торговое право»
- «Правовое обеспечение государственной и муниципальной службы»

АСПИРАНТУРА:

Аспирантура академии осуществляет подготовку квалифицированных специалистов с высшим послевузовским образованием по следующим специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
- 12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Российская академия адвокатуры и нотариата основана в 1995 году и является одним из самых востребованных высших учебных заведений города Москвы.

Академия ведет образовательную деятельность на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 31.05.2012, серия 90Л01 № 000001 и в соответствии с Государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования. Качество обучения четырежды подтверждалось государственной аккредитацией, Свидетельство о государственной аккредитации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 21.06.2012 серия 90А01 № 0000040.

ПРЕИМУЩЕСТВА ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА:

- прием в академию осуществляется в соответствии с Правилами приема и ПЕРЕВОДОМ из других вузов
- наличие скидок и льгот по оплате обучения
- возможность продолжения обучения в аспирантуре
- высокое качество образовательных программ
- компьютеризация учебного процесса
- все формы обучения, группы выходного дня
- возможность сокращения сроков обучения
- практика в организациях с возможностью последующего трудоустройства

Новый закон: положение обвиняемого ухудшится?

В прошлом номере мы рассказывали нашим читателям о том, что вступил в силу Федеральный закон № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», позволяющий возобновлять уголовное дело или пересмотреть ранее принятое судом решение, если установлены факты совершения обвиняемым более тяжкого преступления. До принятия этого законодательного акта положения Уголовно-процессуального кодекса РФ позволяли отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, если новые факты свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. Теперь же суд (апелляционной, кассационной и надзорной инстанций) вправе вернуть

уголовное дело прокурору, «если после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления».

Также дело можно будет направить на пересмотр в случае отмены приговора, определения или постановления суда, если вновь открывшиеся обстоятельства, послужившие основанием для отмены, являются основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Также в прошлом номере мы попросили коллег – адвокатов высказать свое мнение по поводу этого закона. И сегодня мы знакомим вас с их рассуждениями, касающимися изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Г.Б. МИРЗОЕВ,
президент Гильдии российских адвокатов,
ректор Российской академии адвокатуры и нотариата

«Поворот к худшему» недопустим!

Седьмого мая 2013 года вступил в силу Федеральный закон № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», позволяющий возобновлять уголовное дело или пересмотреть ранее принятое судом решение, если открылись факты совершения обвиняемым более тяжкого преступления.

Этот Федеральный закон направлен на приведение уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П.

Раньше в Уголовно-процессуальном кодексе РФ существовало положение, согласно которому, в случае если открылись новые отягчающие обстоятельства, можно было отказать в возобновлении уголовного дела, если суд уже принял по нему решение.

Теперь новым Федеральным законом внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, устанавливающие порядок возвращения уголовного дела прокурору и возобновления производства по уголовному делу ввиду установления новых, а также вновь открывшихся обстоятельств с учетом того, что к таким об-

стоятельствам относятся новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, о которых стало известно после передачи дела на рассмотрение суда.

В связи с тем, что в силу принципа состязательности сторон суд не является органом уголовного преследования, а также не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты (часть третья статьи 15 УПК РФ), законом установлено правило, при котором суд ныне вправе вернуть уголовное дело прокурору, если наличествуют обстоятельства, указанные в новой части первой статьи 237 УПК РФ, притом только по ходатайству одной из сторон в уголовном судопроизводстве.

Учитывая, что право суда возвращать уголовное дело прокурору при наличии обстоятельств, указанных в части первой статьи 237 УПК РФ, предусмотрено также частью третьей статьи 389.22, частью третьей статьи 401.15, частью пятой статьи 443 УПК РФ, Федеральный закон РФ наделяет суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций правом принимать решение о возвращении дела прокурору также и в случае выявления обстоятельств, указанных в части первой статьи 237 УПК РФ.

Законом установлено, в частности, что судья по ходатайству стороны вправе возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, если:

- после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

- ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Под новыми обстоятельствами, которые являются основанием для возобновления производства по уголовному делу, предлагается понимать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для обвинения его в совершении более тяжкого преступления.

Законом уточняется порядок пересмотра уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, влекущих ухудшение положения осужденного, в тех случаях, когда наступившие последствия инкриминируемого ему деяния ранее по объективным причинам не могли быть исследованы в ходе судебного заседания. Тем самым этим порядком суду позволено принять решение о возобновлении производства по уголовному делу, которое давало бы органам уголовного преследования возможность учесть эти обстоятельства в качестве основы для изменения формулировки обвинения.

Кроме того, в целях определения срока производства следственных и иных процессуальных действий, направленных на расследование новых или вновь открывшихся обстоятельств, срок производства процессуальных действий в случае отмены приговора суда теперь не может превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю. Дальнейшее продление этого срока производится на общих основаниях.

Полагаю, что нужно разделять и понимать две ситуации. В том случае, если суд отправляет дело на дополнительное расследование, то действительно сегодня возникает ситуация, когда видно, что человеку легче признаться в совершении какого-то нетяжкого преступления и он идет на сделку с правосудием, а потом выясняется, что этот же человек совершил ряд других тяжких преступлений. Поэтому во время судебного разбирательства могут выявляться различные обстоятельства дела, и вполне возможно, что возникнет ситуация, когда судья увидит, что надо действительно провести дополнительные экспертизы или какие-то другие следственные действия. Но «поворот к худшему», когда уже суд вынес решение, считаю недопустимым. К примеру, если суд принял решение назначить наказание сроком в один год лишения свободы, а потом рассмотрел дело заново и определил наказание уже более чем один год, полагаю это неприемлемым. Даже в советской системе правосудия данная формула была неприменима.

Такое решение может иметь негативные правовые последствия еще и потому, что в России бывают так называемые «заказные дела». Предположим, кому-то может не понравиться решение суда, этот «кто-то» посчитает, что наказание, вынесенное судом, слишком мягкое. В этом случае есть вероятность того, что заинтересованные лица будут ходатайствовать об отмене приговора и направлении дела на доследование с целью пересмотреть его в сторону, ухудшающую положение обвиняемого.

А.П. ГАЛОГАНОВ,
 президент Федерального союза адвокатов РФ,
 вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

Под угрозой права человека

Как адвокат я могу констатировать, что в последнее время появляется множество законопроектов, которые ухудшают положение и подзащитных, и подследственных. В статье 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеется трактовка понятия «недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора»; данное положение признано всеми международными нормами – нельзя ухудшать положение обвиняемого или подсудимого, если в надзорном порядке возникнут какие-то новые обстоятельства.

К сожалению, закон, принятый Государственной Думой РФ 26 апреля 2013 года, а именно – изменения, внесенные в ряд статей УПК РФ, в том числе в статью 413 часть 2, пункт 2.1., согласно которым наступление периода рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения о новых общественно-опасных последствиях инкриминируемого обвиняемому деяния, являются основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления. То есть можно возобновить следствие, можно ухудшить положение подсудимого, и правильно в связи с этим многие юристы говорят, что реально возникновение ситуации, когда заключенный просто не покинет места лишения свободы, то есть будет «сидеть вечно». Появляются какие-то новые обстоятельства и, естественно, следствию предоставлена такая возможность – решать вопросы процессуального характера и избирать меры пресечения в отношении определенного лица, хотя, может быть, уже прошли определенные законом сроки и нет других оснований для привлечения этого лица к уголовной ответственности. Поэтому, на мой взгляд, данные дополнения в статью 413 УПК РФ находятся в определенном противоречии со статьей 405 УПК РФ.

Не секрет, что со стороны следствия существует в основном обвинительный уклон, и в такой ситу-

ации против лиц, не угодных тому же следствию, органам власти, можно инициировать новое дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Поэтому с точки зрения защиты, с точки зрения прав человека и демократичности нашего закона я все же полагаю, что принятие новых поправок ухудшает права человека, в частности права обвиняемого и подсудимого. Действительно, может случиться так, что у человека фактически будет заканчиваться срок, потом еще «найдут» статьи или возможность продлить срок пребывания под стражей, и это как раз и представляет угрозу правам человека.

Есть еще одно нововведение в практике изменения уголовно-процессуального законодательства – соглашение со следствием. Здесь также немало злоупотреблений и со стороны следствия, и со стороны работников прокуратуры, потому как лица, которые идут на такое соглашение со следствием, иногда сами пытаются избежать уголовной ответственности. И мы имеем в практике много

примеров, когда дело в отношении таких обвиняемых проходит в особом производстве: суд выносит приговор, который в данном случае, как правило, значительно мягче, а в отношении тех лиц, которых они оговаривают, дело выделяется в отдельное производство. И приговор, уже вынесенный в отношении лица, которое пошло на соглашение со следствием, имеет принципиальное значение. Это приговора для вынесения приговора тому лицу, которое сейчас приговорено. И мы знаем, чтобы уйти от ответственности, люди оговаривают других; но мы не знаем, как с этим бороться. Отменить приговоры мы не можем, мы не субъекты обжалования. Ни адвокат, ни то лицо, которое, возможно, было оговорено, не могут даже написать жалобу. В такой ситуации человек обречен.

На мой взгляд, необходимо менять законодательство. Практика уже показала, что органы предварительного следствия порой не всегда исполняют свою работу добросовестно. И если нужно осудить человека, то достаточно найти второстепенное лицо, которое даст показания и при этом само уйдет от уголовной ответственности, либо ответственность в отношении него будет незначительная. У меня есть такие конкретные примеры – и на следствии и, к сожалению, в суде.

Я считаю, что обсуждаемая нами новация – это не «подарок» плюс ко всему для суда и для следствия: может появиться определенное количество заказных дел. Следствие и суд – это исполнители, они будут поступать в рамках закона, а те, кто заинтересован, они могут стоять в стороне. Просто появится больше «заказных» дел, которых на сегодняшний день и так немало. Взять статью 159 УПК РФ (мошенничество), это ведь «резиновая» статья. Привлекали и осуждали людей за мошенничество, хотя эти взаимоотношения должны были решаться в гражданском и арбитражном правовом поле, однако такие дела переводили в уголовную плоскость. В связи с этим были заказные дела, есть они и сейчас. Можно предположить, что данное изменение в законодательстве приведет к тому, что увеличится объем работы следствия и суда, но главное, что меня в этом плане беспокоит, – действительно могут оказаться под угрозой права человека. Даже

если один невиновный будет подвергнут уголовному преследованию в связи с этим изменением, то это уже будет катастрофа не только для одного взятого человека, но и для всего нашего общества.

В связи со всем этим прежде всего именно нам, адвокатам, следует быть более внимательными и особенно тщательно рассматривать обстоятельства дела, за которое мы беремся (адвокат ведь на то и щука, чтобы карась не дремал), – добросовестно изучать дела, стараться не допускать опрометчивых решений, когда решается судьба того или иного человека. И если хоть одно такое дело приведет к осуждению невиновного, то тогда общественность, правозащитные организации и адвокатское сообщество должны подвергнуть сомнению эту норму. Если мы обнаружим нарушения или злоупотребления – будем добиваться ее отмены.

К сожалению, не всегда считаются с адвокатами, не всегда те нормы, которые принимаются, согласовываются с нами, чаще они согласовываются с правоохранительными системами, которые лоббируют свои интересы.

Однако у меня как у практикующего адвоката пока еще не было примеров таких нарушений. В любом случае необходимо наличие какого-то факта, какой-то практики, чтобы мы убедились, куда нас может это завести. Закон должен соответствовать общественному развитию, если этот закон искусственный – он не будет работать и отомрет сам собой. Но если кто-то будет использовать его в своих корыстных целях – вот тогда всем нам надо будет обязательно добиваться его отмены.

Определенную часть законодательства лоббируют правоохранительные структуры в своих интересах, чтобы следствие протекало легче и быстрее. Может быть, кто-то руководствуется благими намерениями, чтобы ускорить процесс. Но под этими намерениями могут таиться колоссальные нарушения со стороны следствия, недобросовестность органов, что может привести к повсеместному нарушению прав человека.

Уголовный процесс должен совершенствоваться, но чрезвычайно важно, чтобы принимаемые нововведения не шли вразрез с правами человека, а у нас иногда практика показывает обратное.

Ю.А. КОСТАНОВ,
первый вице-президент
Гильдии российских адвокатов

Поправки, внесенные в УПК РФ, противоречат Конституции РФ и международным нормам

Федеральным законом от 26 апреля этого года № 64-ФЗ в ряд статей Уголовно-процессуального кодекса РФ внесены поправки, позволяющие суду вернуть дело прокурору, а прокурору – вернуть дело следователю в случаях, если после направления уголовного дела в суд, в том числе в период рассмотрения уголовного дела судом или даже после вынесения судебного решения, наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Точно так же, если ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 Кодекса, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления, дело должно быть возвращено следователю для соответствующей переквалификации обвинения.

Казалось бы, норма правильная и соответствующая духу времени. Насчет соответствия духу времени соглашусь, но вот насчет правильности (я бы даже сказал – легитимности) этой нормы возникают серьезнейшие сомнения.

Законодатель, установив, что новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния (кто бы еще объяснил, что такое общественно опасные последствия общественно опасного деяния; ведь опасность деяния и заключается в наступлении вредных последствий!) являются основанием для вменения обвиняемому деяния с учетом этих последствий, тем самым признал, что моментом окончания преступления является не момент совершения деяния, а момент наступления его последствий. Эта норма, однако, противоречит положению части второй статьи 9 Уголовного кодекса РФ, согласно которой «времени совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия

(бездействия) независимо от времени наступления последствий».

Каждый закон приоритетен в своей сфере регулирования. Установление характеристик преступления – в т.ч. момента начала и окончания преступного деяния – входит в сферу регулирования Уголовного, а не Уголовно-процессуального кодекса РФ. Уголовно-процессуальный закон определяет порядок применения материального уголовного закона, но не может определять, какое деяние является преступлением, когда оно начинается и когда должно считаться оконченным.

Ни один закон не должен противоречить Конституции РФ. Между тем новая норма создает возможность придания обратной силы закону, устанавливающему уголовную ответственность за деяние, до того не считавшееся преступным, либо предусматривающему более суровое наказание, либо иным образом ухудшающему положение лица.

Если последствия деяния наступили после принятия нового закона, ухудшающего положение виновного, то в соответствии с внесенными в УПК

РФ новациями его следует судить уже по новому, более жестокому закону.

А это уже противоречит запрету на применение закона, ухудшающего положение виновного по сравнению с законом, действовавшим на момент совершения правонарушения (статья 54 Конституции Российской Федерации, статья 15 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 7 Европейской Конвенции).

Теперь насчет «духа времени». В последнее время деятельность наших законодателей отличается стремлением к ужесточению ответственности за правонарушения, ужесточению, не считающемуся ни с конституционными нормами, ни со здра-

вым смыслом, ни с нравственными принципами. Стремление изменять правила игры во время самой игры носит хронический характер. Это уже не законодательствование, это произвол. Произвол законодателя выводит законодательную деятельность за рамки правового государства. Очевидно, что в этих условиях в случае осуждения подзащитного с применением этого закона задача адвокатов – обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующей жалобой. Раз уж депутаты сами не ощущают абсурдность принятого ими закона, пусть Конституционный Суд РФ этот закон дезавуирует, признав его неконституционность.

С.С. ЮРЬЕВ,
вице-президент Гильдии российских адвокатов,
председатель МКА «Межрегион»,
Ю.П. ГЕРВИС,
заместитель председателя МКА «Межрегион»

Изменения согласно Конституции РФ: не прошло и семи лет

Вот уже несколько месяцев мы живем с новыми положениями в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, которые позволяют суду по ходатайству стороны возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению в случае наступления новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющегося основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, а также если ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

В Федеральном законе № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» кро-

ме перечисленных выше новелл имеются и другие изменения, развивающие тезисы, заложенные в дополнения к статьям 237, 413 УПК РФ.

Данный закон был принят для приведения отдельных положений норм статей 237, 413 и 418 УПК РФ в соответствие с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П от 16 мая 2007 года.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос президиума Курганского областного суда, в котором оспаривалась конституционность подлежащих применению в рассматриваемом им уголовном деле положений статьи 237, пункт 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 УПК РФ на примере уголовного дела, когда президиум Курганского областного суда отказал в возобновлении производства по уголовному делу по заключению прокурора, поскольку указанное в заключении обстоятельство не отнесено к числу новых или вновь открывшихся обстоятельств, как они определены в статье 413 УПК РФ.

Прокурор внес заключение о возобновлении производства по делу, по которому гражданка А. была осуждена районным судом за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 111 Уголовного кодекса РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), хотя еще до вынесения приговора потерпевший скончался в больнице и смерть его, как было установлено уже после вступления приговора в законную силу, находилась в причинно-следственной связи с нанесенной ему колото-резаной раной.

И вот неспешно, через шесть лет, в УПК РФ положения статей 237, 413 и 418 стали соответствовать Конституции Российской Федерации.

В чем же состоит сущность этих изменений?

По нашему мнению, новые изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года, сохранили внутреннюю логику Кодекса и устранили правовую коллизию, возникающую в случаях, аналогичных описанному выше.

Статья 237 УПК РФ относится к главе 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию», в ней перечислены основания возвращения уголовного дела прокурору.

Стоит обратить внимание, что дополнения внесены отдельным пунктом (п. 1.2) и исключают возможность суда самостоятельно возвращать дело прокурору по этим основаниям.

Суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом только по ходатайству сторон; перечислены лишь два случая удовлетворения такого ходатайства.

Законодатель указал, что в пункте 1.2 статьи 237 УПК РФ речь идет о наступлении новых общественно опасных последствий, которые относятся исключительно к инкриминируемому обвиняемому деянию, что является основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Данное положение относится к преступлениям с квалифицирующими признаками, в которых тяжесть содеянного определяется в зависимости от тяжести вредных последствий преступного деяния. Это (в подавляющем большинстве) преступления против личности. Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Из этого следует вывод, что данное положение пункта 1.2 статьи 237 УПК РФ невозможно применить по составам экономических преступлений и многих других.

Второй случай возвращения дела прокурору на основании пункта 1.2 статьи 237 УПК РФ определен законодателем в увязке с положениями главы 49 («Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств») УПК РФ, в которые также были внесены дополнительные положения для приведения в соответствие отдельных норм этой главы УПК РФ Конституции Российской Федерации.

В данную главу УПК РФ входят статьи 413 и 418, в которые также внесены дополнения Федеральным Законом № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года.

Статья 413 УПК РФ дополнена положением о том, что «наступление новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющегося основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления», является новым обстоятельством для отмены вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда и производству по уголовному делу.

Особое внимание заслуживает дополнение, внесенное в статью 418 УПК РФ, о том, что суд при рассмотрении заключения прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств может принять решение об отмене приговора или постановления суда и всех последующих решений и о возвращении уголовного дела прокурору в случае выявления обстоятельств, указанных в части 1 и пункте 1 части 1.2 статьи 237 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время основания возвращения уголовного дела прокурору в стадии подготовки к судебному заседанию стали основаниями к отмене приговора, постановления суда и всех последующих решений.

Резюмируя сказанное, полагаем, что новые изменения, внесенные Федеральным законом № 64-ФЗ от 26 апреля 2013 года, нельзя считать ухудшающими положение подсудимого или осужденного, поскольку они дают возможность стороне обвинения добиваться правильной квалификации в пределах инкриминируемого преступного деяния, не давая увеличивать объем обвинения. В то же время они дали новые возможности защите добиваться отмены судебных решений, вынесенных с нарушениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

А.В. РАГУЛИН,
председатель Комиссии по защите прав адвокатов –
членов адвокатских образований ГРА

Запрет на «поворот к худшему» снят

В теории уголовно-процессуального права за более чем десятилетний период применения статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ сложилось устойчивое мнение, согласно которому в УПК РФ был закреплен принцип недопустимости ухудшения положения обвиняемого, на котором основывался запрет на проведение следственных действий, направленных на восполнение неполноты произведенного дознания или предварительного следствия при возврате уголовного дела в порядке статьи 237 УПК РФ. В работах исследователей отмечалось, что недопустимо производство лишь тех следственных и иных процессуальных действий, которые могут усилить доказательственную базу обвинения, а производство следственных действий в интересах защиты (допрос ранее не допрошенного свидетеля, подтверждающего алиби подзащитного, назначение и проведение ранее не назначенной по ходатайству защиты экспертизы, проведение ранее не проведенной очной ставки), а также производство иных процессуальных действий в интересах стороны защиты (частичное прекращение уголовного преследования, переквалификация действий обвиняемого на менее тяжкую статью УК РФ, прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела), было допустимо при возвращении уголовного дела в порядке статьи 237 УПК РФ, поскольку подобные действия не направлены на восполнение доказательственной базы обвинения.

Анализ правоприменительной практики, сложившейся к настоящему времени, показывает, что возврат уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ нередко происходил не на стадии предварительного слушания и даже судебного следствия, а значительно позже. В адвокатской практике имеются случаи, когда по завершению судебного следствия государственный обвинитель заявлял ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору на основании статьи 237 УПК РФ по различным мотивам. Истинным мотивом возвращения уголовного дела в этих случаях, как нам представляется, являлась несостоятельность выдвинутого обвинения. При этом вне зависимости от мнения стороны защиты по данному ходатайству государственного обвинителя уголовные

дела были возвращены прокурору и впоследствии прекращены по реабилитирующим основаниям. Учитывая, что с данным явлением в своей практике сталкивалось 17 процентов от 500 опрошенных нами адвокатов, мы можем констатировать появление в российском уголовном процессе прямо не предусмотренного УПК РФ явления, которое мы можем именовать латентным оправдательным приговором.

Новые изменения, внесенные в законодательство существенным образом скорректируют уже сложившуюся правоприменительную практику.

Необходимо отметить, что отсутствие реальной возможности для восполнения доказательственной базы на стадии судебного разбирательства, а также запрет на предъявление нового обвинения и переквалификацию деяния в худшую для подсудимого сторону на практике порождает ситуации, когда суд, будучи связанным пределами выдвинутого обвинения, вынужден принимать решение, основанное на неверной (объективно заниженной) квалификации деяния, данной органами предварительного следствия или дознания либо на недостаточных для постанов-

ления правосудного решения фактических данных. Подобное явление, разумеется, нарушает права потерпевших от преступлений.

Руководствуясь этим тезисом, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 02.07.2013 года № 16-П указал, что положения части первой статьи 237 признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 УПК РФ, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Такая позиция Конституционного суда РФ и повлекла принятие решения о необходимости внесения ряда корректировок в текст Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В итоге запрет на «поворот к худшему» при квалификации действий обвиняемого теперь юридически и фактически снят, и новым законом предусмотрена процедура возобновления производства по делу в случае наступления новых общественно опасных по-

следствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления или в случае, когда ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

В то же время новые изменения никак не ограничивают сторону защиты в доказывании невиновности или меньшей степени виновности подзащитного, а также на заявление ходатайств о проведении следственных и процессуальных действий, направленных на доказывание позиции стороны защиты.

Следует учитывать, что суд общей юрисдикции, инициируя продолжение предварительного расследования, которое заведомо направлено на получение новых обвинительных доказательств либо на дополнительное обоснование обвинения, фактически реализует несвойственную ему обвинительную функцию. Вследствие этого, как установлено в законе, суд общей юрисдикции не вправе возвращать уголовное дело прокурору по своей инициативе, то есть при отсутствии соответствующего обоснованного ходатайства стороны. С подобным ходатайством, разумеется, будут обращаться представители стороны обвинения, поэтому представителям стороны защиты следует представлять аргументированные доводы, позволяющие опровергнуть необходимость удовлетворения такого ходатайства.

Д.Н. ТАЛАНТОВ,
вице-президент ГРА,
президент Адвокатской палаты Удмуртской
Республики

Печальные заметки о благих намерениях

Изменения уголовно-процессуального законодательства, о которых предложено поразмышлять на страницах журнала, безусловно, направлены на защиту прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Понятное дело, что нам, адвокатам, исходя из «цехо-

вого» интереса профессии, легче даются суждения, связанные с защитой прав обвиняемых. Однако забывать об интересе потерпевшей стороны негоже. И не только исходя из нравственных побуждений. Дело в том, что любая односторонность суждений контрпродуктивна изначально, поскольку подрывает доверие даже к той части аргументов, которая при объективном подходе могла бы быть услышанной.

Попробуем посмотреть на проблему со всей беспристрастностью, которую можем себе позволить, разделив при этом право и фактическое правоприменение, ибо в стране нашей они, говоря мягко, сочетаются не вполне.

Обсуждаемые изменения Уголовно-процессуального кодекса РФ были предопределены позицией Конституционного Суда РФ. Суть Постановления КС РФ от 16 мая 2007 года № 6-П базируется на вполне понятных и здравых с точки зрения закона суждениях. Действующее на период вынесения Постановления Конституционного Суда РФ уголовно-процессуальное законодательство по сути признавало основаниями для возобновления производства по уголовному делу только такие новые обстоятельства, которые устраняли преступность и наказуемость деяния. Исключения из этого правила составляли случаи, когда выявившиеся после постановления приговора фактические обстоятельства, которые могут ухудшить положение оправданного или осужденного, свидетельствовали о совершенном против правосудия преступлении, да и то лишь при том условии, что факт совершенного преступления был установлен вступившим в законную силу приговором суда. При таких обстоятельствах возобновление производства по делу, за названными изъятиями, было исключено во всех случаях, когда это могло привести к осуждению оправданного или усилению возложенной на осужденного ответственности. Кроме того, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, проблема по существу не разрешалась даже в случае отмены приговора и передачи уголовного дела на новое судебное разбирательство. Ведь согласно положениям статьи 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится лишь по предъявленному обвинению, а его изменение в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Статья же 237 УПК РФ в ее прежней редакции также непосредственно не предусматривала возвращение уголовного дела прокурору, исходя из выявленных судом обстоятельств, которые могли бы привести к ухудшению положения подсудимого. В том числе и в связи с выявлением не существовавших на момент формулирования обвинения новых фактических обстоятельств дела.

Как же быть с теми ситуациями, когда после вступления в законную силу приговора такие обстоятельства появились? И тем более – когда подобные обстоятельства возникли до постановления приговора. Например, как быть с ситуацией, по которой было инициировано рассмотрение дела в Конституционном Суде РФ? Напомню суть проблемы. Судом был постановлен приговор, по которому обвиняемая была осуждена по части 1 статьи 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, тогда как еще до вынесения приговора потерпевший скончался в больнице от причиненных ему преступлением телесных повреждений. Подобное положение язык не поворачивается назвать ни законным, ни нравственным, даже если не ставить себя на место родственников скончавшегося. Не влияла на сложившееся положение и теоретическая возможность применения процедуры надзорного производства, поскольку эта процедура допускает отмену или изменение вступившего в законную силу приговора не в пользу осужденного или оправданного лишь при наличии допущенных при рассмотрении дела существенных, фундаментальных нарушений закона. И даже если подобные основания к отмене находились, вопрос принципиально не разрешался. Статья 252 УПК РФ и прежняя редакция статьи 237 УПК РФ ставили дальнейшему движению производства по делу крепкий заслон.

Вопрос предельно прост – была ли сложившаяся ситуация нормальной с точки зрения охраны прав и законных интересов потерпевших? Ответ, полагаю, очевиден. Есть охраняемый законом и оправданный с нравственной точки зрения интерес потерпевшего. Есть цивилизованный взгляд на правосудие как деятельность, отвечающую принципам справедливости и ставящую своей целью максимально возможное восстановление потерпевшего от преступления в правах. Есть общепризнанное понимание сути судебного решения как акта, обладающего атрибутивными признаками правосудности – законности, обоснованности и справедливости. Я понимаю, что говорю о вещах несколько умозрительного характера по причине их практически повсеместного искажения в судебной практике. Но об этом чуть позднее.

Теперь самое главное. Уже после обсуждаемых изменений УПК РФ Конституционный Суд РФ провозгласил новое Постановление по делу о проверке конституционности только что измененной законодателем статьи 237 УПК РФ. И кажется, что это новое решение КС РФ – точка невозврата.

Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 16-П, положения части первой статьи 237 УПК РФ признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения

в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 УПК РФ, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Теперь дорога к возвращению уголовного дела прокурору в случаях, когда возврат по своей сути обусловлен ухудшением положения подсудимого, открыта принципиально, широко и надолго.

Мотивы принятого Конституционным Судом РФ решения лежат все в той же плоскости. Конституция РФ и иное федеральное законодательство предполагают возможность суда самостоятельно, по внутреннему убеждению оценивать обстоятельства уголовного дела и выбирать подлежащую применению норму права, а равно обязанность суда по вынесению правосудного решения, то есть решения законного, обоснованного и справедливого. Продолжение рассмотрения дела судом после того, как им были выявлены допущенные органами предварительного расследования процессуальные нарушения, которые препятствуют правильному рассмотрению дела и которые суд не может устранить самостоятельно, приводило бы, по мнению Конституционного Суда РФ, к постановлению незаконного и необоснованного приговора. С точки зрения КС РФ, это тем более недопустимо, когда судом с очевидностью установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Представляется, что приведенные доводы о необходимости задействования процессуальных механизмов, которые позволяли бы предотвратить вынесение приговора, заведомо несправедливого, незаконного и необоснованного, оспорить достаточно трудно.

Как видим, тенденция по расширению полномочий судов в части принятия ими процессуальных решений, направленных на защиту прав и законных интересов потерпевших и шире – на укрепление принципа самостоятельности суда как носителя судебной власти, оказалась более чем устойчивой.

Совершенно другой и крайне острый вопрос – это вопрос об адекватности отечественной судебной системы. Способна ли она к взвешенному и сбалансированному применению вновь возникших процессуальных механизмов без перекоса в виде очередного ущемления прав обвиняемых? С сожалением отвечая на этот вопрос отрицательно, я «успокаиваю» себя тем, что предыдущие изменения уголовно-процессуального законодательства, которые, казалось бы, по внешним признакам были на руку стороне защиты, также на практике оказались для нас достаточно горьки. Что бы не уходить в сторону, возьмем все тот же институт возвращения дел из судов на стадию досудебного производства. Что нам принес фактический запрет возврата дел «на следствие»? Разве что возможность совершенствования собственной спекулятивно-мыслительной деятельности – как бы это так извернуться, чтобы обойти этот прелестный запрет в ситуации, когда в действиях обвиняемого состава преступления нет. Ведь оправдательных приговоров в природе почти не бывает. Благо если судья не безнадежен – тогда он на твоей стороне. А если как обычно?

Увы, изменения уголовно-процессуального законодательства и решения Конституционного Суда РФ безальтернативно приведут к дальнейшему усилению обвинительного уклона. В разреженной атмосфере высокого права закон свят всегда. И Конституционному Суду РФ нет дела до психологии правоприменителя. Но боюсь, что некоторые судьи, в чьи ДНК инерция обвинения встроена намертво, будут охотно пользоваться появившимся процессуальным инструментарием, возвращая дела прокурору при малейшем подозрении на неоправданную мягкость к обвиняемому. Подобная практика неизбежно повлечет не обусловленные обстоятельствами расследуемых дел ужесточение позиции обвинения. Квалификация «с запасом» и тому подобные радости. Ведь всякому понятно, что на практике означает возврат дела из суда для следователя и прокурора. Обвинительного же перегиба никто бояться не будет – ведь статья 252 УПК РФ не запрещает изменение обвинения в суде в пользу подсудимого. А уж тут – на какого судью попадешь. И что гораздо важнее – на какой внешний заказ. Круг замыкается.

Говорят, что «теперь сидеть можно будет вечно». Это ничего. В России сидеть вечно, при наличии авторитетного запроса, можно было всегда. Причем, что совершенно замечательно, вне всякой зависимости от действующего законодательства. При Александре Втором «Освободителе», при Александре Третьем «Миротворце», при Николае Втором «Кровавом», при Керенском... и при нэпе. Ну и так далее, включая новейшую историю.

А.М. ТРАСПОВ,
член Адвокатской палаты Ставропольского края,
член Исполкома ГРА

Чем хуже, тем лучше!

26 апреля 2013 года Президент России Владимир Путин подписал закон № 64-ФЗ о внесении изменений и дополнений в статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующие процедуру возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Стержневым моментом новаций стало дополнение статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ частью первой² и ряда статей главы 49, предусматривающей процедуру возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Данные дополнения изменили характер уголовно-процессуальных правоотношений в этой сфере, предусмотрев возможность при наступлении новых обстоятельств ухудшить положение обвиняемого путем возвращения уголовного дела прокурору со стадии предварительного слушания в целях устранения препятствий к его рассмотрению судом для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Также судья по ходатайству стороны теперь может вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном главой 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Именно эти новеллы и всколыхнули юридическую общественность опасением того, что «теперь можно будет сидеть вечно».

Прежде чем высказаться по существу принятых новаций, поспешу заверить пессимистов в том, что как раз-то эти дополнения все не приведут к каким-либо репрессивным мерам со стороны государственной машины.

В качестве доказательства обратимся к обзору

статистических данных о результатах деятельности Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях:

- за 2010 год приговоры отменены ввиду новых обстоятельств в отношении 3 лиц;
- за 2012 год – приговоры отменены ввиду новых обстоятельств в отношении 6 лиц;
- за 2011 год – по данным судебной статистики таких сведений вообще нет.

Какой будет эта статистика через год-два, покажет время.

Хочу напомнить, что в теории уголовно-процессуального права возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств относится к исключительной стадии процесса. Ее исключительность определяется особым порядком проверки. Здесь уголовный процесс не прекращается, а пребывает в ожидании возможных обстоятельств, перечисленных в уголовно-процессуальном кодексе, которые, в свою очередь, позволят изменить последствия применения уголовного закона.

Рассмотрим новое законодательное регулирование возвращения судом уголовного дела прокурору при наличии обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, а равно и после отмены судебных решений в порядке, предусмотренном главой 49 УПК РФ, при наступлении новых обще-

ственно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

После внесенных дополнений пункт 2 части второй статьи 413 «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» стал выглядеть так:

«Новые обстоятельства – указанные в части четвертой настоящей статьи обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, исключая преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления».

Таким образом, существовавшее ранее условие в пункте 2 части второй названной статьи «...устраняющие преступность и наказуемость деяния» заменено на условие «...исключающие преступность и наказуемость деяния», что, с точки зрения квалификации, точнее и соответствует положениям главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей перечень статей 37-42, исключая преступность деяния.

Согласимся с тем, что такая замена слов весьма существенна для защиты прав граждан при необходимой обороне, крайней необходимости, при испол-

нении заведомо незаконного приказа или распоряжения начальника и тому подобных действий.

С другой же стороны, рассматриваемые нововведения предусматривают и повышенную ответственность обвиняемого (осужденного), если общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния наступили в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения.

Тут также следует обратить внимание на значение слов, используемых в новой формулировке пункта 2 части второй статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Особо отметим то, что речь идет об объективной стороне преступления в части наступления общественно опасных последствий инкриминируемых обвиняемому общественно опасных действий.

Таким образом, квалификация содеянного может быть изменена в сторону ухудшения положения обвиняемого только в случае, когда в результате общественно опасных действий, известных суду, наступили общественно опасные последствия, которые не были известны суду при рассмотрении дела либо после вынесения судом решения по уголовному делу.

Честно говоря, мне достаточно трудно предположить, каким образом будет осуществляться реализация этих изменений на практике.

Из оценки изложенного следует, что законодатель при внесении в уголовно-процессуальный закон указанных изменений даже не предполагал, что возможны такие выводы. А может, они ошибочны?

В.А. ТАЛАЛАЙКО,
заместитель президента ГРА,
член Адвокатской палаты г. Москвы

Противоречие статей УПК РФ устранено

Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Лица, совершившие преступление, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и

наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена их вина. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, который основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. Каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда в порядке, установленном уголовным судопроизводством.

Порядок уголовного судопроизводства на территории России устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ.

Уголовное судопроизводство, как определено ст. 6 УПК РФ, имеет своим назначением:

- защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергнут уголовному преследованию.

Выше перечисленные конституционные гарантии, задачи и принципы уголовного законодательства и уголовного судопроизводства РФ приведены мною с целью определения значимости и «злободневности» обсуждаемого закона, а также отношения к нему в зависимости от участников уголовного судопроизводства, и в первую очередь адвоката.

Адвокат в уголовном судопроизводстве может принимать участие в качестве защитника и осуществлять защиту прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, т.е. являться участником стороны защиты. Являясь представителем потерпевшего, гражданского истца, адвокат выступает в этом случае на стороне обвинения. Также адвокат может выступать на стороне иных участников уголовного судопроизводства, оказывая юридическую помощь свидетелю. Но в любом случае адвокат обязан

действовать в рамках закона и в пределах предоставленных ему полномочий. Поэтому только с этих позиций может быть проанализирован принятый закон.

Основанием его принятия явилось Постановление КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П. В соответствии с ним положения ст. 237 УПК РФ во взаимосвязи с п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413, ст. 418 УПК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 18, 19 (ч. 1), 46 (ч. 1 и 2) и 52, в той части, в которой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

В ч. 3 ст. 414 УПК РФ (существующей и существовавшей до принятия обсуждаемого закона) пересмотр обвинительного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении допускается лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных ст. 78 УК РФ, и не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств.

В существовавшей же ст. 413 УПК РФ до принятия указанного ФЗ № 64-ФЗ оснований возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в силу подтверждения наступления в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, предусмотрено не было.

Издание этого ФЗ устранило имевшее место противоречие указанных статей УПК РФ. Теперь ст. 237 УПК РФ дополнена ч.1.2, в соответствии с которой судья возвращает уголовное дело прокурору в случаях если:

- после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

– ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ, а послужившие основанием для их отмены новые или вновь

открывшиеся обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

И это продиктовано самой жизнью. Квалификация тяжести деяния, в зависимости от наступления тех или иных обстоятельств, наступивших после совершения преступления, предусмотрена соответствующими частями рядом статей УК РФ. Например, ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» предусматривает квалификацию деяния по трем частям. В соответствии с ч. 1, если предусмотренное деяние создало угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, то максимальное наказание, предусмотренное санкцией, – лишение свободы на срок до 2 лет.

Деяние же, повлекшее по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание, наказывается лишением свободы на срок до 8 лет, что предусмотрено ч. 3 данной статьи.

Наступление указанных последствий может произойти через значительный промежуток времени после совершения преступления и после привлечения виновного лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 247 УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Таким образом, дополнение ст. 237 УПК РФ ч. 1.2 отвечает принципам справедливости и вины уголовного законодательства РФ. Тем более когда дознание производится в сокращенной форме, а судебное производство осуществляется в порядке, установленном ст. 226.9 УПК РФ, либо принятие судебного решения осуществлялось в соответствии с гл. 40 УПК РФ.

Также внесение дополнений в УПК РФ рассматриваемым законом в части судебного производства в судах апелляционной и кассационной инстанций в полной мере устраняет существовавшие пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве и соответствует Конституции РФ.

О.В. ЕЛЬКИН,
вице-президент Адвокатской палаты
Кировской области

Дискредитирован принцип состязательности

Принятые Государственной Думой РФ и подписанные Президентом РФ изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации самым негативным образом скажутся на положении граждан России, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений при рассмотрении уголовных дел судами всех инстанций. Предлагаемые поправки ухудшают положение обвиняемых, фактически дискредитируют принцип состязательности сторон, изложенный в статье 15 УПК РФ.

У стороны обвинения полностью развязаны руки, и по ее инициативе любое уголовное дело, в случае установления в суде обстоятельств, влекущих возможность вынесения оправдательного приговора, существенного изменения квалифика-

ции содеянного, будет возвращаться в следственные органы для устранения пробелов в работе следователя и чистке собранных доказательств. Не секрет, что возврат уголовного дела прокурору в соответствии со статьей 237 УПК РФ часто происходит после того, как сторона защиты представит свои убедительные доказательства, которые невозможно обойти и не принять к сведению при вынесении судом приговора. При этом благодаря новым изменениям УПК РФ следователь получает фактически неограниченное время для предъявления нового обвинения, в том числе по более тяжкой статье.

Это не первые изменения, касающиеся возврата уголовного дела прокурору. Первая редакция УПК РФ 2001 года фактически прекратила «дослед», но это не устроило правоохранительные структуры, и статья 237 УПК РФ была в срочном порядке изменена. Глоток воздуха для адвокатов, обрадованных появлению запрета на проведение дополнительных следственных действий при возвращении уголовного дела прокурору, закончился очень быстро. Появилась узаконенная процедура «доследа», а сейчас и вовсе можно предъявлять новое обвинение по более тяжкой статье Уголовного кодекса Российской Федерации.

Совершенно непонятны, и это будет трактоваться точно не в пользу обвиняемого, изменения, касающиеся «наступления новых общественно опасных последствий инкриминируемого деяния, являющихся основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления». Страшно подумать, как будут извращаться прокуратура и следствие для установления и обоснования таких последствий.

Полагаю, что применение внесенных изменений в УПК РФ в первую очередь коснется экономических и налоговых преступлений. Как видно из принятых в последнее время актов, в том числе и амнистии, главная задача стоит в наполнении бюджета за счет освобождения от уголовной ответственности при погашении обязательств по налогам и сборам, полном возмещении причиненного преступлением ущерба. Теперь очень просто будет возвращать уголовное дело следователю в связи с новым перерасчетом неуплаченных налогов и привлекать обвиняемого уже по другой части статьи УК РФ. Фактически будет происходить банальный шантаж лица, привлекаемого к ответственности, с требованием полного признания своей вины и возмещения ущерба в обмен на отказ от

возврата дела прокурору и дальнейшего предъявления нового, более тяжкого обвинения. Что будет выбирать обвиняемый в этом случае? Все усилия защиты будут сведены на нет, поскольку в большинстве случаев уставший от неравной и нескончаемой борьбы человек согласится с выгодным, по его мнению, предложением обвинителя. На лицо факт психологического воздействия на обвиняемого. Над обвиняемым будет постоянно незримо висеть «дамоклов меч», и любой повод может стать основанием для предъявления иного обвинения.

Система правосудия становится однобокой, исчезает состязательность сторон, суд идет на поводу у обвинения и возвращением уголовного дела прокурору устраняет противоречия и нивелирует доказательства защиты. Кроме того, как следует из изменений УПК РФ, пересмотр уголовных дел возможен на любой стадии судопроизводства, то есть осужденный может вновь быть признан виновным по другому составу и отбывать наказание до бесконечности. Таким образом, появилась возможность при необходимости влиять на поведение, послушание и позицию любого осужденного под страхом увеличения срока и изменения вида наказания.

Хочу отметить, что новые изменения дают опять же возможность правоохранительным органам ковать ряды стукачей и доносчиков. Обещание отмены ранее вынесенного приговора и ужесточение предъявленного обвинения «поможет» ряду лиц «вспомнить» причастность к преступлениям «нужных» людей, вплоть до оговора неугодных, в совершении любого преступлений. Методы работы оперативных сотрудников полиции не меняются, и новые поправки только развязывают им руки. Также будет повсеместно распространяться прием доведения до законного приговора одного из соучастников в порядке особого судопроизводства, а по остальным этот вступивший в законную силу приговор будет безусловным, даже при отсутствии достаточных доказательств по их уголовным делам.

По мнению адвокатов Кировской области, принятые изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 26 апреля 2013 года не являются источником демократизации судебной системы, а напротив, ставят участников судопроизводства в неравные условия и значительно ухудшают положение обвиняемого. Избитая фраза полицейских: «То, что вы находитесь на свободе, не ваша заслуга, а наша недоработка» – воплощается в жизнь.

Самое сложное – доказать очевидное

*«Незнание – не довод,
невежество – не аргумент»*

Бенедикт Спиноза

Впервые в адвокатской практике нашей коллегой – почетным адвокатом России, заместителем президента Гильдии российских адвокатов Мариной Борисовной РУСАКОВОЙ был использован в работе уникальный метод научного исследования. Для того чтобы читатели журнала поняли, о чем идет речь, мы решили напрямую поговорить с Мариной Борисовной. Интервью с ней мы и представляем вашему вниманию.

Самое сложное – доказать очевидное

АВР.: Марина Борисовна, расскажите, как родилась ваша блестящая идея?

М.Р.: Большинство замечательных идей у адвокатов рождаются от бессилия перед судебным произволом. Многим моим коллегам до боли знакома ситуация, когда в ходе судебного следствия все вроде бы складывается в пользу обвиняемого, однако при получении протоколов судебного заседания оказывается, что самые важные показания свидетелей туда не внесены либо они искажены настолько, что могут быть истолкованы в пользу обвинения.

Адвокаты вправе вести аудиозапись, но и только. Приносятся замечания на протокол – без результата. Пишутся жалобы – без надежды. В одном из процессов подобное случилось и со мной. Только показания свидетелей изменялись намеренно и в корне. То, что свидетельствовало о невинности, превратилось в неопровержимое доказательство вины. При этом защита воспользовалась правом вести аудиозапись. Первое, что было сделано, – направлен в государственное экспертное учреждение опечатанный и заверенный в коллегии электрон-

Идет процесс. Просматривается запись следственного эксперимента

ный носитель для проведения фоноскопического исследования. Вскоре было получено заключение об отсутствии признаков монтажа в фонограмме и полная дословная расшифровка аудиозаписи. Но что делать дальше, было непонятно. Представьте, перед вами заверенные судом протоколы и их расшифровка диаметрально противоположного содержания.

Тогда и возникла идея проведения психолого-лингвистического иссле-

дования двух текстов с целью выявления расхождений в тексте и установления причин возможных расхождений.

Комиссия специалистов в составе доктора психологических наук, профессора, зав. кафедрой общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, директора Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики КГУ им. К.Э. Циолковского В.Ф. Енгальчева и зав. кафедрой русского языка КГУ им. К.Э. Циолковского, доктора филологических наук, профессора Ю.А. Ушаковой подтвердила наличие существенных противоречий между протоколами и стенограммами и пришла к выводу о том, что наиболее вероятной причиной расхождения текстов является принятие судом единственной версии – безусловной виновности подсудимого.

Сегодня эта работа положена в основу научного труда, где впервые дана классификация протоколов судебного заседания. Вот определенные наиболее характерных из них:

- неточный протокол, содержащий определенные отступления от реальных текстов выступлений участников процесса, но при этом их характер не мог оказать существенное влияние на судебное решение;
- ошибочный протокол, осознанно составленный с некоторыми отступлениями от реальных текстов выступлений, но обусловленный неадекватным пониманием этих текстов;
- фальсифицированный протокол – протокол с сознательно внесенными искажениями судебного процесса, прямо влияющими на существо выносимого приговора;
- фальшивый протокол – протокол, изготовленный в отсутствие факта судебного заседания.

АВР.: Как ни странно, именно жесткие условия, в которые поставлены адвокаты в уго-

ловном процессе, вынуждают их использовать новые технологии защиты. И вы своей практикой это наглядно подтвердили.

М.Р.: Если раньше позиция адвоката могла быть услышана, то сегодня, когда при поступлении дела в суд, его исход, как правило, predetermined, одних доводов защитника явно недостаточно. Имея многолетний опыт работы со «слабослышащими» судьями, я выработала привычку каждый свой довод подкреплять заключениями специалистов.

АВР.: Вам довелось работать с известным всему миру ученым – В.Ф. Енгальчевым. Не каждому адвокату выпадает такой счастливый билет...

М.Р.: Мне действительно посчастливилось работать с уникальным профессионалом и общаться с удивительным человеком – и то, и другое доставило мне огромное удовольствие. Надо сказать, что это не первая наша совместная работа.

Ранее комиссия специалистов в рамках

проведения психолого-лингвистического исследования работала с показаниями очевидца. Он с разницей в несколько лет описывал с идентичными подробностями два разных убийства, очевидцем которых якобы являлся. Комиссия пришла к выводу, что в основу показаний по одному уголовному делу положены его же показания из другого уголовного дела. Такие исследования были проведены впервые и в своем роде тоже уникальны. К слову, Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики КГУ им. К.Э. Циолковского – единственный в России, где выпускают дипломированных судебных психологов.

АВР.: О вашей работе много писали. Известно, что в делах, которые вы вели, выступали такие известные эксперты, как профессор, доктор медицинских наук А. Ковалев, доктор медицинских наук П. Пинчук, доктор

В офисе с коллегами

медицинских наук, доцент И. Макаров, доктор медицинских наук С. Леонов, канд. медицинских наук С. Зосимов, доцент Е. Саломатин и другие.

М.Р.: Не секрет, что зачастую экспертные учреждения работают со следствием и судом по принципу: чего изволите? Так рождаются не просто не обоснованные с научной точки зрения экспертные заключения, но и откровенно безграмотные. Однако этого бывает достаточно для осуждения невинного, поскольку у суда, как правило, «нет оснований сомневаться в выводах эксперта». Противопоставить этому защита может только заключения специалистов, так как в назначении повторных экспертиз суд обыкновенно отказывает. Обращаться имеет смысл только в государственные экспертные учреждения, к специалистам высшей квалификационной категории, с многолетним стажем работы, имеющим ученую степень. Заключение таких специалистов по качеству и содержанию многократно превосходят экспертные и представляют собой практически диссертационный труд.

АВР.: Так было в деле Матвеева?

М.Р.: Да, этого человека обвиняли в умышленном убийстве на основании псевдонаучного заключения эксперта. Чтобы опровергнуть очевидную глупость, понадобилось четыре года кропотливой работы. По сути, длившийся около года первый судебный процесс представлял собой спор экспертов со специалистами. Это дело вошло в анналы отечественной судебной медицины. За свою многолетнюю практику я не видела такого мощного заключения, которое было представлено в суд профессором А. Ковалевым. Тем не менее суд остался глух и слеп. Матвеева приговорили к десяти годам лишения свободы за то, чего он не совершал.

Судебная же коллегия по уголовным делам

Очередное заседание Комиссии по защите прав адвокатов – членов ГРА

Мособлсуда, ознакомившись с заключениями, представленными защитой, приняла беспрецедентное решение: приговор отменили, дело направили на новое рассмотрение, а Матвеева... освободили из-под стражи. При новом рассмотрении судом были назначены две комиссионные экспертизы, полностью подтвердившие заключение А.

Ковалева. А спустя год по делу Матвеева был вынесен оправдательный приговор. Но это не конец истории, и об этом чуть позже.

Иногда для того, чтобы ответить на вопросы адвоката, специалистам приходится все начинать сначала. Так, в Иркутске пришлось делать замеры на местности в 30-градусный мороз, потому что при осмотре места происшествия не было произведено элементарного масштабирования.

АВР.: В настоящее время нашу судебную систему не критикует разве что ленивый...

М.Р.: То, что происходит в судах в последние несколько лет, вообще не поддается осмыслению. Суд игнорирует любые доказательства, свидетельствующие о невинности обвиняемого, и принимает во внимание самые нелепые обвинения. Решения выносятся вопреки закону, совести, здравому смыслу. Работа защитника в уголовном процессе обесценена настолько, что не имеет никакого значения, кто ее осуществляет – маститый адвокат или вчерашний студент.

Позволю себе высказать крамольную мысль. Возможно, адвокат, не имеющий достаточного опыта, в нынешних условиях нанесет доверителю куда меньший ущерб, если не станет представлять суду доказательства его невинности. Система предлагает выход: признаться в том, чего не совершал, и заслужить снисхождение. И очень часто, чтобы выйти на свободу, обвиняемый оговаривает себя. Учитывая ничтожно малое количество пре-

крашенных уголовных дел и еще меньшее число оправдательных приговоров, человек, даже ничего противоправного не совершивший, не может быть уверенным в справедливом решении суда. Сегодня такой принцип правосудия, как неотвратимость наказания, к сожалению, распространяется не только на виновных лиц – любой человек, привлеченный к уголовной ответственности, практически не может избежать обвинительного приговора. Наиболее сложными являются дела по защите именно невиновных. Иногда долгие годы уходят на то, чтобы доказать очевидное.

АВР.: Почему, на ваш взгляд, происходят подобные явления?

М.Р.: Существует порочный круг, когда оперативные сотрудники при проведении ОРМ зачастую даже не берут на себя труд создать иллюзию законности, зная, что следствие устроит любые результаты; следствие же в свою очередь не сомневается – прокуратура поддержит обвинение любой степени абсурдности. А суд, положив в основу приговора текст обвинительного заключения, убежден: вышестоящие инстанции оставят его в силе. Такая

практика порождает уверенность во вседозволенности и безнаказанности, что с успехом демонстрируется в последние годы.

АВР.: Откуда такой пессимизм? В вашей практике немало прекращенных уголовных дел и оправдательных приговоров, в том числе по особо тяжким преступлениям – убийствам, сбыту наркотиков...

М.Р.: На мой взгляд, мы переживаем самое непростое для адвокатского сообщества время, когда роль адвоката по сути сведена лишь к его присутствию – в ходе как предварительного, так и судебного следствия. Дискредитация адвокатуры сегодня принимает угрожающие масштабы – можно безнаказанно опорочить как отдельного адвоката, так и адвокатское образование в целом. Совершенствуются методы борьбы с защитниками в уголовном судопроизводстве. Мы наблюдаем опасную тенденцию, когда при наличии адвоката по соглашению, вопреки воле подсудимого судом вводится адвокат по назначению. Участились случаи удаления из процесса «неудобного» адвоката, что позволяет завершить рассмотрение дела без защитника, с которым подсудимый заклю-

Порой все приходится начинать сначала. Со специалистом на месте происшествия

чил соглашение. Нас давно уже не удивляют такие вопиющие нарушения, как, например, неознакомление адвоката с материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования. Раньше сложно было представить, чтобы следователь вышел в суд с ходатайством об ограничении адвоката в сроке ознакомления с материалами уголовного дела на несколько дней раньше, чем адвокат был уведомлен об окончании следственных действий. Сегодня это реальность. И если в ближайшее время ситуация не изменится, боюсь, не только действия адвоката, защищающего клиента, будут объявляться вне рамок УПК РФ, сам адвокат может быть объявлен фигурой непроцессуальной.

Роль гособвинителя в уголовном процессе, извратившая само предназначение прокуратуры, – тема особая. Далеко не каждый прокурорский работник имеет собственное мнение, многие говорят заученными фразами, нелепость называют законностью, а разумное игнорируют. А между тем, ничего личного, все от имени государства, которое по определению не может быть смешным, глупым или пристрастным... Если коротко: нам предлагается некая «упрощенная» форма отправления правосудия, когда в основу приговора ложится обвинительное заключение с повторением тех же ошибок, описок, а иногда и просто диких формулировок.

Изречение философа Спинозы «Незнание – не довод, невежество – не аргумент» давно опровергнуто решениями наших судов.

АВР.: Вы находите этому объяснение?

М.Р.: Привычка ограничивать адвоката в его законных правах со временем трансформировалась в убеждение, что этими правами он не обладает. Уже много лет я коллекционирую абсурдные решения судов. В этом «собрании сочинений» есть свидетельства как откровенной глупости, так и неприкрытого цинизма авторов, отсутствия правоприменительной практики и вольного толкования закона.

Мои родители – Борис Николаевич и Татьяна Михайловна, 1962 г.

Проиллюстрирую лишь самые забавные из них. Например, в постановлении Иркутского облсуда об отказе в приобщении к материалам дела заключения специалиста написано, что «адвокат не вправе собирать доказательства путем получения заключения специалиста. Так, адвокат Русакова обратилась к специалистам самостоятельно, вне рамок судебного разбирательства, в то время как показания специалиста и письменные заключения осуществляются на основании решения суда».

Встречаются среди авторов и философы. Именно это постановление положило начало коллекции: «...мнение специалистов, допрошенных в судебном заседании о том, что в случае неоказания экстренной медицинской помощи (реанимации) неизбежно приведет к прогрессированию заболевания, и, как следствие этого, к наступлению смертельного исхода, суд находит безусловно логичным, даже исходя из того, что человек по природе своей смертен...»

Есть и шедевры, поражающие своей искренней убежденностью. А потому частное определение судебной коллегии Московского областного суда процитирую полностью: «В обосновании своих доводов адвокатом Русаковой к кассационной жалобе в качестве документа открытого доступа, без грифа секретности, была приложена копия заверенного расходного кассового ордера о получении денежных средств на проведение ОРМ. Между тем, в соответствии со ст. 12. ч. 1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения об организации и используемых при проведении ОРМ средствах отнесены к категории составляющих государственную тайну(!). Указанный документ коллегия нашла не связанным с проведением ОРМ в отношении конкретного осужденного и отклонило кассационную жалобу. Однако выдача на руки адвоката такого рода документа коллегия расценивает со стороны совершившего эти действия должностного лица не только как разглашение сведений, составляющих

В кругу семьи

государственную тайну, но и как предательство интересов службы, в связи с очевидным последующим противозаконным использованием такого рода документа в целях развала уголовного дела. О вышеизложенном донести до сведения начальника Управления ФСБ РФ по г. Москве и МО».

По представлению прокурора Московской области определение отменили, так как приходный ордер никогда не был отнесен к категории секретности. Но послевкусие от «предательства интересов службы» и «противозаконных действий по развалу уголовного дела» осталось, не правда ли?

Есть решения, которые заставляют задуматься о наличии либо отсутствии у автора юридического образования. Вернемся к делу Матвеева. Уже в третьем по счету приговоре суд решил, что «действия Матвеева необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 112 УК РФ. Отягчающим наказанием обстоятельством суд посчитал наступление смерти потерпевшего, несмотря на то, что данные телесные повреждения не имеют причинно-следственной связи с ней». Еще одно коллекционное решение.

Мне кажется, было бы полезным создать в журнале рубрику, под которой могли бы публиковаться подобные шедевры, которые имеются у большинства адвокатов.

АВР.: Марина Борисовна, расскажите немного о себе?

М.Р.: Я родилась в семье коренных ленинградцев. Папа еще ребенком со своей мамой – моей бабушкой – пережили блокаду. Моя мама по профессии педагог, папа – военный моряк, к сожалению, рано ушедший из жизни. Мамочке же совсем скоро исполняется 80 лет, а она все такая же умница и красавица. Все ее дети и внуки рядом, дождалась и правнука. Мы с мужем оба из семей потомственных военных моряков, вместе уже больше трех десятков лет. У нас две замечательные дочери с 19-летней разницей в возрасте. Старшая уже состоявшийся профессионал, а младшая пойдет в 3-й класс. С рождением маленькой Алиски наша жизнь будто сначала началась. Всей семьей учимся вместе с ней – самозабвенно рисуем, устраиваем выставки, музицируем. Недавно Лиска преподнесла нам сюрприз – страстно увлеклась боксом, и теперь нам предстоит разделить и это ее увлечение.

Наши дети – патриоты, они гордятся своей страной, изучают военную историю, чтят традиции.

АВР.: Марина Борисовна, вы занимаетесь благотворительностью?

М.Р.: Как и многие наши коллеги, мы оказываем адресную поддержку адвокатам старшего поколения, которые в силу возраста или состояния здоровья лишены возможности заниматься любимым делом. Кроме того, помогаем и семейному центру «Солнышко», что находится в маленьком провинциальном городке Орлов Кировской области, где родителям детей-инвалидов оказывают помощь в социальной адаптации. Туда с удовольствием приходят ребятишки из неблагополучных семей, попавшие в трудную жизненную ситуацию, среди них немало одаренных.

АВР.: У успешного адвоката есть мечта?

М.Р.: Скорее надежда, что рано или поздно здравомыслие возобладает. А пока нужно продолжать работать, потому что иного не дано.

Беседу провела заместитель главного редактора журнала М.А. Казицкая

Р.В. СЕРГЕЕВ,
почетный адвокат России,
Адвокатская палата г. Санкт-Петербург

Частное мнение

Словесная небрежность непозволительна!

В Федеральном законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» словосочетание «статус адвоката» употребляется в текстах статей 64 раза, в том числе в пяти названиях статей – 9, 12, 16, 17, 40. Но при этом закон не содержит определения «статуса адвоката».

В Кодексе профессиональной этики адвоката слова «статус адвоката» упоминаются в статьях 4, 18, 19, но также нигде не дано определение этого понятия.

Таким образом, в основных нормативных актах об адвокатской деятельности мы не найдем определения понятия «статус адвоката». Также сложно найти сколько-нибудь значимую формулировку этого понятия в научных публикациях. Везде разъяснения либо слишком общи, либо слишком упрощены.

Так что же это такое – «статус адвоката»?

В Толковом словаре Владимира Даля, как ни странно, мы не найдем слова «статус». Почему? Объясню.

Слово «статус» – иностранное, от латинского «status». Краткий словарь иностранных слов (М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 292) указывает, что «в международном

праве «статус» – правовое положение или состояние, например, состояние независимого государства».

Из словарей о слове «статус»

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова

1. Сложившееся состояние, положение (книжн.). Статус общественных отношений, жизни общества. 2. Правовое положение (спец.). Правовой статус гражданина. Поселку присвоен статус города.

Толковый словарь Ефремовой **Правовое положение, состояние.**

Толковый словарь Кузнецова **Совокупность прав и обязанностей гражданина или юридического лица.**

Большой энциклопедический словарь **Правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина.**

Энциклопедический словарь конституционного права
Понятие, широко используемое в праве, в том числе в конституционном. Обозначает оформленное нормативным актом положение (отсюда – правовое положение) органа, организации, объединения, должностного лица, личности (гражданина). С. характеризует их природу, место в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия.

Психологическая энциклопедия
Положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии, степень авторитета в глазах остальных участников группы.

После развала СССР у нас в стране возникла необъяснимая любовь к иностранным словам. Термин «статус» применен во многих нормативных актах: в Федеральном Законе РФ «О статусе судей»; в законе Ленинградской области – «Устав Ленинградской области от 27 октября 1994 года № 6-ЛЗ; в Федеральном законе РФ «О государственной гражданской службе РФ» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ, в котором глава 3 называется «Правовое положение (статус) гражданского служащего».

Тем не менее ни в одном из этих законов термин «статус» не определен, «не расшифрован». Только из закона «О государственной гражданской службе» можно сделать вывод о том, что слово «статус» означает правовое положение лица, в соответствии с этим законом – государственного гражданского служащего.

Похоже, что и среди адвокатов нет ясного понимания словосочетания «статус адвоката». Так, в статье «Причина проблемы – статус адвоката» (Адвокатские вести России. 2012. № 5-6. С. 29)

председатель президиума Свердловской областной гильдии адвокатов Н.В. Сухарева причиной низкой оплаты труда адвокатов считает низкий статус адвоката, под которым подразумевается «роль адвоката вообще в судопроизводстве, в судебной системе». То есть автор статьи под статусом адвоката понимает его роль не в государстве, не в обществе в целом, а только в судопроизводстве, в судебной системе.

Думаю, что такое понимание «статуса адвоката» и сведение его лишь к положению в судебной системе неоправданно сужает данное понятие.

О том, что у самих адвокатов нет единого понятия «статуса адвоката», свидетельствует и то, что наш уважаемый коллега адвокат Л.Ю. Челепов в письме в редакцию журнала «Российский адвокат» (2012. № 5. С. 13) своим правовым статусом адвоката считает принадлежность к Адвокатской палате г. Москвы.

Одним из первых законов Российской Федерации, где широко применяется слово «статус», стал Закон РФ от 22 января 1993 года № 4338-1 «О статусе военнослужащих». Этот закон подробно в статье 1 определил, что понимается под статусом военнослужащих: «Статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленная законодательством и гарантированных госу-

дарством». И далее: «Особенности правового статуса военнослужащих в обществе определяются возложенными на них обязанностями по вооруженной защите государства, связанными с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни».

Законодатель, возлюбив слово «статус», широко использовал его в законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а адвокаты, мечтая о независимости, применили его в Кодексе профессиональной этики адвоката.

Как можно использовать правовую терминологию без ее определения – секрет законодателя и руководства адвокатуры.

Кроме того, в Кодексе профессиональной этики адвоката имеет место «смешение французского с нижегородским»: в пункте 3 статьи 5 Кодекса говорится о «звании адвоката». Так что же имеется в виду – «статус» или «звание»?

В проекте изменений и дополнений в Кодекс профессиональной этики адвоката вопрос об определении понятия «статус адвоката» не ставится.

В Законе и Кодексе нужно или определить понятие «статус адвоката», или заменить это понятие ясным и простым словом «звание».

Словесная небрежность в нормативных актах недопустима. Тем более, такая небрежность недопустима для адвокатов.

Политический словарь

Положение, состояние, место в системе, иерархии. Различают аскриптивный (прирожденный, унаследованный) и достигнутый статус.

Словарь политологии

Соотносительное положение слоя, группы или личности в системе социальных отношений, показатель прав и обязанностей слоя, группы, личности в обществе. Различают «предписанный» статус и «приобретенный».

Социологический словарь

- 1. Положение, позиция, ранг в любой иерархии, структуре, системе.**
- 2. Совокупность прав и обязанностей, определяющих положение лица, государственного органа, международной организации, государства в международных организациях, характеризующих их правовое положение.**

Юридический словарь

Установленные нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей.

Исторический словарь

Положение, состояние – правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица. Социальный статус – положение, позиция индивида или группы в социальной системе.

Экономический словарь

Правовое положение субъекта права – гражданина или юридического лица, характеризующее и определяемое его организационно-правовой формой, уставом, свидетельством о регистрации, правами и обязанностями, ответственностью, полномочиями, вытекающими из законодательных и нормативных актов.

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка

Правовое положение, состояние.

Ю.А. СВИРИН,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,

Р.В. ШАГИЕВА,
заместитель президента Гильдии российских адвокатов,
первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата

Объединение во благо?

Принятием Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ был сделан один из предпоследних шагов по пути завершения более чем 20-летнего реформирования судебной системы России. Начиная с 1991 г., когда была определена концепция судебной реформы, проделана колоссальная работа по формированию практически новой судебной системы демократического российского государства. Констатируя это, VIII Всероссийский съезд судей выдвинул новые задачи, решение которых призвано способствовать дальнейшему развитию судебной системы. По итогам его работы было принято Постановление Совета судей РФ от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы РФ и основных направлениях ее развития», в котором предусматривалась необходимость завершающего момента в формировании недостающего звена судебной системы – административных судов: «...4. Просить Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации обеспечить приоритетное рассмотрение:

– проекта Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» и проекта Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации».

Затем последовало принятие Постановления Правительства РФ от 27.12.12 г. № 1406 (ред. 24.06.2013 г.) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России 2013-2020 гг.», предусмотревшей реали-

стичный (8 лет), а не оптимистичный (5 лет) сценарий ее осуществления.

Но ни в одном из этих официальных документов ни слова о том, что озвучил Президент РФ 21 июня на Петербургском международном экономическом форуме. В.В. Путин заявил о своем намерении выступить с законодательной инициативой об объединении высших судебных инстанций в РФ. Предложенные изменения в законодательные акты (в том числе и в Конституцию РФ) будут вынесены на рассмотрение осенней сессии Государственной Думы РФ.

Однако нельзя признать такое решение неожиданным. Вопрос о необходимости слияния судебной власти в единую организационную структуру давно обсуждался среди юридической научной общественности, отдельные предложения на этот счет исходили и от представителей практикующих юристов. В частности, эти идеи уже давно высказывал президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Гасан Борисович Мирзоев. Еще 11 декабря 2012 года в своем интервью журналистам «Российской газеты» под красноречивым названием «Справедливость на троих не делится» он сказал буквально следующее:

«**РГ:** В свое время вы выступали с идеей создания единого Высшего или Верховного суда, который соединил бы все три ветви судебной власти. Как вы считаете, такая реформа остается востребованной жизнью?»

Гасан Мирзоев: Проблема, о которой говорят юристы, – это единство правоприменительной практики. К сожалению, разные суды по одним и тем же основаниям, одному и тому же делу выносят порой диаметрально противоположные решения. Иногда доходит до абсурда. Человек идет в суд общей юрисдикции, но получает там отказ. Тогда он регистрирует некое ООО и идет в арбитражный суд с тем же вопросом и решает его. В прежние годы главной инстанцией в стране был Верховный суд, он анализировал судебную практику и давал рекомендации по различным категориям дел. Сегодня у нас три ветви судебной системы и, получается, три справедливости. Возможно, пришло время подумать над тем, чтобы

функционировал один Высший или Верховный суд и единый Судебный департамент, который обеспечил бы работу судов только за счет федерального бюджета. Тогда не будет зависимости от местных властей. В этом суде могут работать конституционная коллегия, общей юрисдикции, арбитражная, административная. Но это будет единая система, она обеспечит единый подход в правоприменительной практике».

Вопрос слияния Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ обсуждался на VIII Всероссийском съезде судей РФ в декабре 2012 г., где приводились примеры судебной практики ФРГ и других стран, в том числе и в выступлении Г.Б. Мирзоева. Но, как уже известно, это не было воспринято судебским сообществом в их решениях (единственное, что затрагивалось в принятом ими постановлении – это необходимость создания объединенных судебных архивов). Тем не менее, будучи принятым на высшем политическом уровне страны вопрос об объединении судебных инстанции переходит в плоскость практического исполнения.

Признаться, идея о единстве всего процесса не нова и в истории отечественной юриспруденции. Еще в 1924 году В.А. Рязановский указывал на значительные черты сходства гражданского, уголовного и административного процесса. Он обосновывал свою идею общностью предмета вышеуказанных процессов, впадением процессуальных институтов один в другой. В конечном итоге, по мнению В.А. Рязановского, все процессы должны слиться в одну науку – судебное право¹.

По нашему мнению, идея объединения двух высших судебных инстанций в единый судебный орган заслуживает одобрения. В 1990-х гг. арбитражное процессуальное право было искусственным путем вычленено из гражданского процессуального права. Исследователи гражданского процесса (Н.М. Коршунов, Р.Ф. Калистратова и др.) необоснованно возводили арбитражный процесс в ранг самостоятельной отрасли права. Так, Н.М. Коршунов указывал, что арбитражный процесс может быть охарактеризован как вторая отрасль гражданской юрисдикции, как судопроизводство главным образом по гражданским делам в судах специальной юрисдикции². В таком случае, следуя указанной логике, необходимо признать и существование третьей отрасли гражданской юрисдикции – отрасли интеллектуального процессуального права, поскольку с 2011 г. данные споры рассматриваются в специально созданных судах. Но, как нам представляется, суть от-

расли процессуального права не зависит от наименования специальных судов. Еще в 1909 г. Е.А. Нефедьев определял сущность гражданского процесса в нормированной законом деятельности его субъектов, среди которых он выделял истца, ответчика и суд³.

Искусственное разделение гражданского процессуального права на две самостоятельные отрасли с созданием двух самостоятельных высших судебных инстанций за почти 20-летнюю историю привело к нарушению единообразия судебной практики, когда суды общей юрисдикции и арбитражные по-разному подходили к разрешению гражданско-правового спора. Как действующему адвокату, одному из авторов не раз приходилось в судах общей юрисдикции ссылаться на Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ. К сожалению, суды общей юрисдикции при постановлении решения их игнорируют. И наоборот, в арбитражных процессах игнорируются Постановления ВС РФ. Думается, что объединение двух высших судебных инстанций положит конец судебному сепаратизму при принятии решения, усилит роль и значение принципа правовой определенности в общем гражданском процессе. И в конечном итоге – данное объединение двух высших судебных инстанций будет способствовать более эффективной защите прав и законных интересов граждан и организаций.

Также объединение двух судов будет способствовать и экономии бюджетных средств, что является немаловажным фактом в условиях бюджетного дефицита, нехватки средств для проведения пенсионной реформы и т.д.

Безусловно, данная реформа потребует изменений не только Конституции РФ, но и ряда федеральных конституционных, а также иных законов (например, процессуальных кодексов). Можно ли констатировать, что в данном случае цель оправдывает средства? Об этом трудно судить заранее. Но почему-то хочется привести фрагмент из упомянутого уже Постановления Совета судей РФ от 19 декабря 2012 года «О состоянии судебной системы РФ и основных направлениях ее развития», касающийся, правда, другого вопроса: «...Съезд отмечает, что решение этой задачи особенно актуально в условиях поспешного и не всегда оправданного изменения законодательства, нарушения межотраслевой и внутренней согласованности правовых норм, что приводит к дестабилизации судебной деятельности и правоприменительной практики, не способствует правовому образованию населения». Хотели во благо, а получилось как всегда...

1 Рязановский В.А. Единство процесса. Харбин. 1924. С. 48.

2 Коршунов Н.М. Арбитражный процесс. Учебное пособие. М.: Изд.дом РАО, 2011. С. 12

3 Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Тип. Император. Моск.ун-та, 1909. С. 202.

М.Я. РОЗЕНТАЛЬ,
председатель Научно-консультативного
и Экспертного совета и Комиссии
по защите прав адвокатов до 2013 года

Защита прав адвоката в международных организациях

Окончание. Начало см. № 9–10. 2011

Решения, осуждающие нарушения законности

В решении по делу «Колесниченко против России» от 09 апреля 2009 года № 19856/04 Европейский Суд по правам человека признал нарушение требований статьи 8 Конвенции.

Заявитель был практикующим адвокатом и членом Адвокатской палаты Пермской области и выступал в качестве защитника. Следователь в сопровождении милиции и двух понятых обыскали квартиру заявителя и изъяли два компьютера, содержащих персональную и профессиональную информацию, документы, относящиеся к уголовному делу против С. и другим делам, и другие предметы. Также был осуществлен обыск офиса заявителя.

Европейский Суд отметил, что «...преследование и запугивание представителей юридической профессии затрагивают самое сердце конвенционной системы. Таким образом, обыск адвокатских помещений должен быть предметом особенно тщательного контроля, и для определения того, были ли эти меры «необходимы в демократическом обществе», Европейский Суд по правам человека должен исследовать доступность в соответствии с национальным законодательством эффективных гарантий против злоупотреблений или произвола и проверить, как эти гарантии действовали в конкретном рассматриваемом деле. Элементами, принимаемыми во внимание, являются тяжесть преступления, ...было ли постановление основано на разумном подозрении, и были ли пределы вмешательства разумно ограничены, ...проводился ли обыск в присутствии независимого наблюдателя, обеспечивающего неприкосновенность предметов, относящихся к профессиональной тайне. Наконец, Европейский Суд должен принять во внимание масштабы последствий для работы и репутации лиц, затронутых обыском...»

В итоге Европейский Суд по правам человека отметил, что «...во время обыска отсутствовали гарантии против вмешательства в профессиональные секреты, например, такие, как запрет изъятия документов, защищенных адвокатской тайной, или надзор за обыском со стороны независимого наблюдателя, способного определить, независимо от следственной бригады, какие документы охватываются юридической профессиональной привилегией. Присутствие двух понятых очевидно не могло считаться достаточной гарантией, с учетом того, что они не имели юридической квалификации и не могли распознать привилегированные материалы. Европейский Суд также находит, что обыск затронул профессиональные секреты в степени, не соразмерной как бы то ни было преследуемой цели, и напоминает в этой связи, что, когда затронуты интересы адвоката, вмешательство в профессиональные секреты может иметь последствия для надлежащего отправления правосудия и, следовательно, для прав, гарантированных статьей 6 Конвенции. Европейский Суд также полагает, что обыск, проведенный без относимых и достаточных оснований и в отсутствие гарантий от вмешательства в профессиональные секреты, в квартире и конторе заявителя, который не подозревался в совершении какого-либо преступления, а являлся защитником обвиняемого по тому же уголовному делу, не был «необходим в демократическом обществе» (Бюллетень ЕСПЧ № 1.2010).

В решении по делу «Андре и другой против Франции» от 24 июля 2008 года Европейский Суд по правам человека признал нарушение прав адвоката со стороны государства Франции по статье 8 Конвенции

(Бюллетень ЕСПЧ № 12 от 2008 года). (См. также дело «Смирнов против России».)

В присутствии первого заявителя, являющегося президентом адвокатской ассоциации, офисы заявителей, являвшихся адвокатами, были подвергнуты обыску налоговыми органами, предполагавшими обнаружить в офисе адвокатов доказательства против клиента адвокатов по подозрению этого клиента в уклонении от уплаты налогов. Присутствующему первому заявителю была вручена копия постановления трибунала большой инстанции, санкционирующего обыск по требованию налоговых органов.

Налоговые органы изъяли документы, среди которых были и документы, составленные первым заявителем, которые, по заявлению первого заявителя, относятся к его личным конфиденциальным документам адвоката и не могут быть изъяты.

Заявители подали жалобу, ссылаясь на профессиональную тайну и права защиты, и утверждали, что документы, переданные клиентом адвокату, и переписка между ними не могут быть изъяты, если власти не ставят задачу получения доказательств причастности адвоката к указанным преступлениям. Заявители также возражали против отсутствия в постановлении об обыске прямого указания на то, что участие президента адвокатской ассоциации или его представителя в обыске является обязательным. Кассационный суд отклонил жалобу.

Европейский Суд считает: несмотря на то, что «...обыски имели правомерную цель, обыски и выемки в адвокатском офисе, несомненно, затрагивают профессиональную тайну доверительных отношений между адвокатом и его клиентом, которая вытекала из права клиента не свидетельствовать против себя». Таким образом, если законодательство страны предусматривает возможность обыска адвокатских помещений, он должен сопровождаться специальными гарантиями.

В настоящем деле имелась специальная процессуальная гарантия в виде присутствия президента адвокатской ассоциации, членами которой являлись заявители. Его присутствие и замечания относительно конфиденциальности изъятых документов были зафиксированы в составленном протоколе. Однако не только отсутствие судьи, санкционировавшего обыск, но присутствие президента адвокатской ассоциации и сделанные им замечания не воспрепятствовали должностным лицам, проводившим обыск, осмотреть все документы, хранившиеся в помещении, и изъять их.

Рукописные заметки первого заявителя представляли собой личные документы адвоката и потому были защищены профессиональной тайной. Кроме того, постановление об обыске было составлено в чрезвычайно

общих выражениях и просто разрешало обыски и выемки, необходимые для получения доказательств в местах, где могут находиться документы и другие источники информации, относящиеся к предполагаемому уклонению от налогов, в частности в помещениях заявителей. Это давало налоговым и полицейским органам, проводящим обыск, широкие полномочия по обнаружению в помещениях заявителей, выступавших только в качестве адвокатов компании, подозреваемой в уклонении от налогов, документов, которые могли подтвердить подозрения в уклонении от налогов и использоваться в качестве доказательств против указанной компании.

Заявители никогда не обвинялись и не подозревались в совершении преступлений или в соучастии в мошенничестве, совершенном компанией-клиентом. Таким образом, в рамках налоговой проверки компании, являвшейся клиентом заявителей, власти провели обыск у заявителей исключительно потому, что столкнулись с трудностями в проведении налоговой проверки, в расчете на обнаружение бухгалтерских, правовых или управленческих документов, которые могли подтвердить их подозрения в том, что компания уклоняется от уплаты налогов.

Европейский Суд заключил, что «...в этом контексте проведенные в помещении заявителей обыск и изъятие документов были не соразмерны преследуемой законной цели» (Бюллетень ЕСПЧ № 12 от 2008 года).

В решении по делу «Яременко против Украины» от 12 июня 2008 года Европейский Суд по правам человека признал нарушение прав адвоката со стороны государства Франции по статье 6 Конвенции (Бюллетень ЕСПЧ № 11 от 2008 года).

Адвокат заявителя был отстранен от ведения дела следователем за совет своему клиенту хранить молчание и не свидетельствовать против себя. Прокурор в ответ на жалобы адвоката отметил, что он нарушил правила профессиональной этики своим советом клиенту не признавать себя виновным и отказаться от части его прежних показаний. В дальнейшем адвокат был допущен к своему клиенту.

Европейский Суд отметил, что способ и мотивы отстранения адвоката от уголовного дела и предполагаемое отсутствие правовых оснований для него вызывают серьезные вопросы по поводу справедливости разбирательства в целом.

Европейский Суд указал, что признание было получено в отсутствие адвоката и отозвано немедленно, после того как обвиняемый получил доступ к последнему, а также не подтверждалось другими доказательствами. При таких обстоятельствах имелись веские причины

предполагать, что предыдущее признание заявителя было подписано им против воли. Принимая во внимание отсутствие адекватного расследования, утверждения заявителя о том, что его признание было получено за счет жестокого обращения, Европейский Суд находит, что использование признания на суде нарушало право заявителя хранить молчание и не свидетельствовать против себя (см. также «Пановиц против Кипра» – по делу обжалуется

отрицательное воздействие на защиту заявителя, оказанное осуждением его адвоката за неуважение к суду (Бюллетень ЕСПЧ № 4 от 2009 года).

Необходимо отметить, что Верховный суд Украины оставил в силе приговор украинцу, выигравшему дело в Европейском суде по правам человека, и решил не отправлять дело на новое расследование.

Решения в защиту свободы выражения мнений

В решении по делу адвоката Анне Никула против Финляндии от 21 марта 2002 года Европейский суд по правам человека принял решение в пользу адвоката-заявителя.

Так, в 1996 году адвокат Анне Никула, проживающая в Хельсинки, подала в Европейский суд по правам человека жалобу против Финляндии. В ней она утверждала, что осуждение ее по обвинению в диффамации за критические высказывания в адрес прокурора, которые она сделала в качестве представителя защиты в суде, является нарушением ее права на свободу слова. В меморандуме, который заявительница прочла перед судом, прокурор подвергся критике за «манипулирование ходом судебного разбирательства и незаконное предъявление доказательств». Вслед за этим указанный прокурор выдвинул против адвоката Никулы частное обвинение, и в 1994 году она была осуждена за публичную диффамацию, совершенную без злого умысла. Верховный суд утвердил осуждение в уголовном порядке в 1996 году, однако уменьшил меру наказания, ограничив ее выплатой судебных расходов и издержек.

В своем решении Европейский суд по правам человека еще раз подчеркнул, что особый статус адвокатов ставит их в самый центр отправления правосудия в качестве посредников между общественностью и судами.

Принимая во внимание ключевую роль адвокатов в этой области, логично ожидать, что они будут оправдывать общественное доверие при отправлении правосудия. В то же время Европейский Суд указал также на возможность того, что вмешательство в осуществление адвокатом свободы слова в ходе судебных слушаний может поставить вопрос относительно права его клиента-обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в соответ-

ствии со статьей 6 Конвенции. По мнению Европейского Суда, принцип «равенства правовых средств, имеющихся на вооружении у сторон судебного разбирательства», и, в более общем виде, принцип справедливого судебного разбирательства призваны способствовать ведению свободных и даже яростных прений сторон, хотя они и не должны выливаться в неограниченную свободу слова для представителей защиты.

По мнению Европейского Суда, существенно то обстоятельство, что на оценку доводов защиты не должен оказывать влияние страх уголовного наказания и выплаты компенсации за понесенный ущерб или судебных издержек. Европейский Суд полагает, что ограничение даже путем мягкого уголовного наказания свободы слова адвоката может быть допущено как необходимое в демократическом обществе только в исключительных случаях. С точки зрения Суда, в деле Никула не было никаких оснований прибегать к такой крайней мере. Таким образом, ограничение свободы слова г-жи Никула не отвечало никакой настоятельной общественной потребности. Европейский Суд постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.).

В решении по делу Георге Амихалакиоае против Молдовы от 20 апреля 2004 года Европейский суд по правам человека принял решение в пользу председателя кишиневской Коллегии адвокатов Георге Амиха-

Европейский Суд по правам человека отметил, что «...преследование и запугивание представителей юридической профессии затрагивают самое сердце конвенционной системы. Таким образом, обыск адвокатских помещений должен быть предметом особенно тщательного контроля, и для определения того, были ли эти меры «необходимы в демократическом обществе».

лакиоае, который подал в суд на Республику Молдова после взыскания с него в 2000 году штрафа в размере 360 лей (30 долларов) за то, что он подверг публичной критике решение Конституционного суда по поводу отмены Конституционным судом статьи Закона об адвокатуре, которая обязывала адвокатов являться членами Коллегии адвокатов. В интервью газете адвокат задавался вопросом «насколько конституционен Конституционный суд?». Это выражение было названо судьями КС оскорбительным.

В своей жалобе адвокат Амихалакиоае утверждал, что было нарушено его право на свободу выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции, вследствие того, что он был оштрафован за критику решения Конституционного суда о неконституционности отдельных положений закона, регламентирующего занятие адвокатской деятельностью.

После проведения консультаций, в том числе с Союзом адвокатов, высказавшим мнение о соответствии Закона положениям Конституции, Конституционный суд постановил в своем определении от 15 февраля 2000 года, что положения об обязательном членстве адвокатов в молдавском Союзе адвокатов являются неконституционными.

Европейский суд по правам человека постановил пятью голосами против двух, что имело место нарушение права заявителя на мнение, предусмотренное статьей 10 Конвенции.

Двое судей, имевшие особое совместное мнение, посчитали, что высказывания заявителя, вменяемые в вину заявителю, не были критикой мотивировочной части решения Конституционного суда, а представляли собой скорее обвинения диффамационного характера в адрес судей указанного суда, а также в адрес самого суда – наивысшего судебного органа в государстве. В диффамационных высказываниях заявителя не прослеживается ни уважения к судебной системе, как того требует Рекомендация 21 Комитета министров СЕ, ни желания «способствовать надлежащему отправлению правосудия и тем самым поддерживать доверие общества к системе отправления правосудия», как указано в постановлении по делу.

В решении по делу «Фолья против Швейцарии» от 13 декабря 2007 года Европейский Суд по правам челове-

ка признал нарушение требований статьи 10 Конвенции в связи с привлечением адвоката к ответственности за организацию кампании в прессе по поводу продолжающегося уголовного дела путем интервью и предоставления журналистам процессуальных документов.

В своем постановлении Европейский Суд по правам человека указал, что привлечение заявителя к ответственности приравнивается к вмешательству в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное законом.

Европейский Суд по правам человека считает, что критика заявителя не касалась личных или профессиональных качеств работников прокуратуры, а касалась того, как эти работники исполняли свои обязанности по делу, в рамках которого доверители заявителя выступали гражданскими истцами.

Европейский Суд по правам человека также считает, что заявитель не несет ответственность за действия СМИ и что информация была им раскрыта в контексте обоснованного интереса прессы, что могло отвечать праву общественности на получение информации о деятельности судебной власти.

Европейский Суд по правам человека отметил, что против заявителя не была подана жалоба о диффамации, иск о защите личных прав был отозван, а следственные органы не выдвигали против заявителя каких-либо обвинений.

«Адвокат не должен говорить о том, что он знает. Он не призван решать, истинны или ложны факты, с которыми он имеет дело. Он должен как можно лучше спорить, чтобы отстоять позицию своего клиента... Правильнее предоставить адвокату как можно больше свободы, даже допуская мысль, что этой свободой будут пользоваться и недобросовестные адвокаты с умышленными целями...»

В одном из ключевых английских решений, вынесенном более ста лет назад, в 1883 году, и использующемся в прецедентном праве и по сей день, содержатся следующие принципы: «Роль адвоката – одна из наиболее сложных. Он не должен говорить о том, что он знает. Он не призван решать, истинны или ложны

факты, с которыми он имеет дело. Все, что он должен делать, это как можно лучше спорить для того, чтобы отстоять позицию своего клиента... Смысл в том, что адвокат не должен подвергаться опасности стать ответчиком по искам, поданным против него в связи со сказанным в процессе защиты. Даже самый добросовестный адвокат может опасаться потенциальных исков против него, поэтому гораздо правильнее предоставить ему как можно больше свободы, даже допуская мысль, что этой свободой будут пользоваться и недобросовестные адвокаты с умышленными целями...».

Наркотестирование – профилактика или «полицейская» мера?

29 мая 2013 года Совет Федерации ФС РФ одобрил закон о тестировании учащихся на наркотики. Документом предлагается в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств подвергать специальному тестированию школьников, учащихся техникумов и студентов высших учебных заведений.

На эту тему в нашем журнале выступает со своим мнением юрист Гражданской комиссии по правам человека Фанис ХАЛИКОВ.

Разделяя озабоченность правительства проблемами незаконного потребления наркотических средств и наркомании, в том числе распространением наркотиков в школах и иных образовательных учреждениях, и осознавая необходимость профилактики потребления наркотических и психотропных препаратов, вместе с тем нельзя не высказать своего отношения к представленному законопроекту.

В документе есть ряд моментов, которые могут быть не очевидны с первого взгляда, но тем не менее способны создать существенные угрозы безопасности детского населения.

Законопроект вводит понятие «раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ», под которым понимается: социально-психологическое тестирование, профилактические медицинские осмотры, а также направление обучающихся (по результатам тестирования и осмотра) в специализированную медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь по профилю «наркология».

То есть конечная цель предложенных в законе мероприятий – направление школьников и студентов в наркодиспансеры с тем, чтобы они получили там «наркологическую помощь». Таким образом, необходимость и целесообразность внедрения в деятельность образовательных учреждений мероприятий по раннему выявлению незаконного употребления учащимися наркотиков необходимо оценивать сквозь призму эффективности и результативности лечения в наркологических диспансерах как такового. Поскольку если последнее не дает своих результатов, то все предшествующие лечению действия, сколь бы эффективны они ни были сами по себе, теряют всякий смысл.

В пояснительной записке авторы еще законопроекта не приводили никаких статистических данных о том, каким образом лечат лиц, принимающих наркотики, в наркодиспансерах: какие методы и виды лечения к ним применяются, какие лекарственные препараты им даются, каким образом планируется осуществлять лечение школьников и студентов в случае выявления потребления ими наркотиков на так называемых ранних стадиях. Не приводится никаких статистических показателей процента излечения в наркодиспансерах, уровня рецидива в потреблении наркотиков, жизненной успешности и эффективности лиц, ранее прошедших лечение в наркодиспансерах.

Официальные же источники информации свидетельствуют о чрезвычайно низкой результативности лечения в наркодиспансерах.

Так, в пункте 3 комментария к статье 54 «Наркологическая помощь больным наркоманией» Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» приводятся следующие данные: «В настоящее время не разработаны достаточно эффективные средства и методы лечения наркомании. Наркологические диспансеры, оснащенные оборудованием для интенсивной терапии и необходимыми современными лекарствами, располагающие квалифицированными специалистами, обеспечивают излечение 10-20% пациентов. Это означает, что из каждых 100 больных, прошедших полный курс лечения, 80-90 человек вновь начинают употреблять наркотики». (Кузьмин В.А., Китрова Е.В. Комментарии к Федеральному закону от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». 2-е издание. – Система ГАРАНТ, 2009.)

В этой связи возникает вопрос: в чем же тогда смысл вводимых законом наркотестирования,

медосмотров и направления обучающихся в наркодиспансеры, если последние в любом случае не могут избавить от наркозависимости?

Кроме этого, документом декларируется, что и тестирование, и медицинские осмотры, и направление в наркодиспансеры будут осуществляться только при наличии письменного информированного согласия обучающегося или его родителей/законных представителей, если учащийся не достиг возраста пятнадцати лет.

Цель проведения наркотестирования и медосмотров состоит в том, чтобы другие лица (не сам школьник или студент) установили, принимает последний наркотики или нет. При этом очевидно, что сам обучающийся прекрасно осведомлен, принимает ли он наркотики, и ему нет необходимости тестироваться, чтобы самому узнать об этом.

Давая согласие на проведение тестирования или на медосмотр в отношении самого себя, школьник или студент тем самым дает согласие на то, чтобы другие лица (администрация школы, мед. учреждения, социальные работники, правоохранительные органы и т. п.) узнали о том, что он принимает наркотики (если он их в действительности принимает) или убедились в том, что он их не употребляет.

То есть фактически это равнозначно добровольному (поскольку речь идет о получении у него согласия) признанию обучающегося в том, что он принимает наркотики. Но если школьник добровольно готов в этом признаться и делает это признание, зачем в этом случае кому-то нужно тестирование (медосмотр)? Какой смысл в тестировании, если человек сам сообщает, что он принимает наркотики?

Если тестирование (медосмотры) действительно предполагается сделать добровольными, то в них нет вообще никакого смысла, поскольку с таким же успехом можно просто спросить у обучающегося, принимает ли он наркотики. Если он добровольно готов сознаться в потреблении наркотиков, он просто даст утвердительный ответ на данный вопрос. Если же он не желает признаваться окружающим в потреблении наркотиков, в таком случае для него нет никакого смысла согла-

шаться и на проведение в отношении него тестирования (медосмотра). Одно следует из другого.

Сама идея проведения в отношении школьников тестирования (медосмотров) заключается в том, чтобы выявить факт потребления ими наркотиков, несмотря на то, что они сами не хотят признаться в их употреблении. Но в этом случае предложенная законопроектом формула – «проведение тестирования (медосмотров) с согласия обучающихся» – попросту абсурдна. Поскольку другими словами суть предложенного авторами подхода можно сформулировать следующим образом: «выявление потребления наркотиков у лиц, не желающих признаваться в их потреблении, с их же согласия», или как «проведение наркотестирования с согласия обучающихся, не согласных признаваться в потреблении наркотиков».

Единственный возможный случай, когда наркотестирование и медосмотры приобретают смысл, – если их осуществлять, невзирая на согласие на то со стороны обучающихся. Но в этом случае следует констатировать, что обе эти меры являются принудительными, несмотря на то, что докумен-

том декларируется, что они добровольные. Таким образом, необходимо называть вещи своими именами, не пытаясь выдать одно за другое.

Очевидно, что наркотестирование (медосмотры) представляют собой способ выявить факт потребления наркотиков у лиц, не желающих добровольно сообщать об

этом обстоятельстве. Таким образом, на самом деле и наркотестирование, и медосмотры являются недобровольными мерами, несмотря на то, что в тексте закона утверждается, что они якобы будут проводиться с согласия обучающихся (или их родителей и других законных представителей).

Таким образом, положения о том, что тестирование и медосмотры будут проводиться с согласия обучающихся – это, безусловно, большое лукавство. Если данные меры являются добровольными – в них, безусловно, отпадает всякий смысл.

Кроме этого в законе ни слова не говорится о последствиях отказа школьников или их родителей от прохождения наркотестирования (медосмотра).

Наркологические диспансеры, оснащенные оборудованием для интенсивной терапии и необходимыми современными лекарствами, располагающие квалифицированными специалистами, обеспечивают излечение 10–20 процентов пациентов. Это означает, что из каждых 100 больных, прошедших полный курс лечения, 80–90 человек вновь начинают употреблять наркотики.

Поскольку весь смысл введения наркотестирования состоит в том, чтобы выявить факт употребления наркотиков теми, кто его скрывает, сам факт отказа от прохождения тестирования (или от медосмотра) будет работать против человека как своего рода «красная тряпка». У сотрудников образовательных учреждений, правоохранительных органов, социальных работников автоматически будет возникать подозрение в том, что ученик, отказавшийся от тестирования, наверняка что-то скрывает, а иначе почему он тогда отказался от прохождения через него?

В законе нет никакого механизма, гарантирующего защиту обучающегося (или его родителей) от травли, которая может быть организована в случае отказа от проведения наркотестирования. Если у образовательных учреждений будет цель — провести всех обучающихся через наркотестирование и медосмотры и отчитаться о проделанной работе, — то отказ от тестирования (медосмотра) явно будет восприниматься с большим неодобрением и подозрением. А поскольку обучающиеся и их родители — заведомо более слабая сторона и во многом зависимы от доляного отношения к ним со стороны администрации образовательного учреждения, — очевидно, что школьники и их родители будут изначально ставиться в такие условия, что будут просто вынуждены давать (подписывать) согласие на наркотестирование (медосмотр), дабы не навлечь на себя гнев заведомо более сильной стороны — образовательного учреждения, за которым стоят и социальные службы, и правоохранительные органы, и комиссии по делам несовершеннолетних и др. инстанции. Но такое согласие уже нельзя квалифицировать как добровольное, поскольку по существу оно вынужденное, принудительное.

Введение в школах (вузах и других образовательных и воспитательных учреждениях) механизма тестирования (медосмотров) с целью выявления лиц, потребляющих наркотики, будет являться неконституционным, неправовым шагом со стороны законодателя. Участие школ в применении к учащимся принудительных мер превра-

щает их из образовательных учреждений в своего рода полицейские организации, задачей которых становится борьба с правонарушениями в сфере оборота и потребления наркотических средств. Однако это выходит за рамки основного предназначения и цели образования и образовательных учреждений, закрепленных в преамбуле и в п. 1 ст. 12 Закона РФ «Об образовании».

Применение любых принудительных мер в отношении граждан, в том числе детей, должно осуществляться только правоохранительными органами в рамках соответствующих процедур привлечения к той или иной юридической ответственности.

Не следует также полагать, что согласие на наркотестирование не будут склонны давать лишь те, кто в действительности употребляет наркотики, а те, кто ничего не упо-

требляет — им якобы не о чем беспокоиться.

В тексте документа говорится о направлении в наркодиспансеры не только тех, в отношении кого достоверно установлен факт приема наркотиков, но также и лиц, в отношении которых возникнет лишь подозрение в потреблении наркотиков. В этой связи становится ясно, что никто не может гарантировать, что в числе «выявленных» окажутся только действительные наркоманы, — под «раздачу» может попасть любой.

Упоминание в законе о «подозрении» свидетельствует о том, что федеральный законодатель сам не уверен в истинности, объективности и обоснованности методик тестирования и, соответственно, в их результатах.

Из этого следует, что ярлык наркомана может быть навешен на обучающегося, исходя из чьего-то субъективного мнения, которое может совершенно не соответствовать действительности.

Следует обратить внимание на то, что в пояснительной записке к законопроекту не приводилось никакой информации о том, какие методики будут использоваться при наркотестировании, кем они разработаны, какова степень их точности, каково их научное обоснование.

Перечисленное выше — лишь краткий перечень основных «слабых мест» закона о наркотестиро-

Единственный возможный случай, когда наркотестирование и медосмотры приобретают смысл, — если их осуществлять, невзирая на согласие на то со стороны обучающихся. Но в этом случае следует констатировать, что обе эти меры являются принудительными, несмотря на то, что законом декларируется, что они добровольные. Таким образом, необходимо называть вещи своими именами, не пытаясь выдать одно за другое.

вании. Но совершенно очевидно, что новый закон очень слаб, поскольку сама его концепция, сама его основная идея несостоятельны.

Безусловно, немедицинские прием и распространение наркотиков являются незаконными действиями и их надо пресекать. Безусловно, нельзя мириться и попустительски взирать на то, что в школах происходит распространение наркотиков, где оно имеет место.

Но то, что предложено, просто превращает школы в некие «полицейские» учреждения, которые вместо образовательного процесса будут заниматься отловом лиц, совершающих правонарушения.

Однозначно, что в школах и иных образовательных учреждениях необходимо проводить профилактические мероприятия, направленные на то, чтобы обучающиеся осознали все последствия необдуманного приема наркотиков и психотропных средств и воздержались от этого шага.

Но предлагаемые меры не направлены на решение этой задачи. Во-первых, как уже отмечалось выше, они не имеют никакого отношения к собственно профилактике, поскольку речь идет о выявлении тех, кто уже принимает наркотики, а не о недопущении приема наркотиков (даже однократного) в принципе. Во-вторых, никакие принудительные меры (в том числе завуалированные под добровольные) не способны удержать человека от приема наркотиков.

Эффективны будут только такие профилактические меры, которые будут вызывать охотный отклик и согласие со стороны школьников, студентов, их родителей. А предлагаемые мероприятия – явно не из этой категории. Все, что предложено данным документом, – это путем сокрытия от детей и их родителей важной информации о неблагоприятных последствиях, которые могут наступить для них в случае выявления факта приема наркотиков, получить от них «согласие» на наркотестирование и медосмотры. После чего обучающимся будут ставиться психиатрические диагнозы, они будут попадать на наркологический учет, ограничиваться в правах, привлекаться к юридической ответственности,

принимать в качестве лекарств психотропные препараты. Такие меры вряд ли бы вызвали согласие и радушный прием со стороны детей и их родителей, если бы они надлежащим образом информировались.

У правоохранительных органов имеется и без того обширный арсенал правовых средств борьбы с оборотом и потреблением наркотиков, и он вполне достаточен для пресечения случаев незаконного приема и распространения наркотиков правовыми методами. И нет никакой надобности подключать теперь и школы, и иные образовательные учреждения в цепочку полицейских органов, целью которых является борьба с наркотиками.

Другое дело, что если данные юридические механизмы не достигают своих целей (а они их действительно не достигают, иначе у нас уже не было бы наркомании и незаконного оборота наркотиков), то в этом случае следовало бы задуматься об истинной профилактике приема наркотиков.

И для этих целей площадка образовательного учреждения подошла бы как нельзя лучше. В школах и в вузах можно и нужно проводить антинаркотические лекции, показывать учащимся видеоролики о вреде наркотиков, предоставлять им информацию в иной наглядной и доступной форме. Но это должна быть действительно профилактическая, массовая работа, которая не преследует целью выявление, избличение и преследование конкретных лиц, – тех, кто уже оступился. Только создав вокруг профилактических мер такую атмосферу, когда обучающиеся и их родители будут понимать, что им лично ничего не угрожает, можно рассчитывать на то, что они вызовут согласие, поддержку и сотрудничество с их стороны, и только тогда можно рассчитывать на то, что данные профилактические мероприятия будут эффективны.

И, самое главное, такие решения уже реально имеются, применяются и приносят свои плоды. Федеральному законодателю необходимо просто посмотреть несколько шире, найти и внедрить именно те решения, которые являются решением в подлинном смысле этого слова.

Только создав вокруг профилактических мер такую атмосферу, когда обучающиеся и их родители будут понимать, что им лично ничего не угрожает, можно будет рассчитывать на то, что они вызовут согласие, поддержку и сотрудничество с их стороны, и только тогда можно рассчитывать на то, что данные профилактические мероприятия будут эффективны.

А.А. БЕЗУГЛОВ,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник Прокуратуры СССР,
почетный адвокат России,
член Союза писателей РФ

«Спешите делать добро!»

Памяти
Александра Михайловича
Рекунова

Когда заходит речь о мерах по укреплению законности, как правило, предлагается ужесточить наказание за те или иные правонарушения. Что ж, в этих предложениях есть определенный резон. Я лично тоже за конфискацию имущества матерых коррупционеров и рас-

**А.М. Рекунов – участник
Великой Отечественной войны**

хитителей, за смертную казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах, за неотвратимость наказания...

Но было бы глубочайшим заблуждением воспитание и перевоспитание человека сводить только к ответственности. По непонятным причинам и наша наука, и наша практика очень мало уделяют внимания благотворному влиянию на человека поощрительных мер, высших идеалов, примеров из прошлого и настоящего, достойных подражания.

Будущим и уже дипломированным молодым юристам я люблю задавать, например, такие вопросы:

– Кого вы знаете из юристов далекого и не очень далекого прошлого?

– Какое отношение к юстиции имел тот самый «старик Державин», который, сходя в гроб, благословил Пушкина и его друзей-лицеистов?

– Кто такие А. Кони и Ф. Плевако?

И т.д. и т.п.

Что я слышу в ответ? Как правило, молчание, мычание или откровенное «не знаю».

Атрофия исторической памяти. Никакого уважения к заслугам коллег-юристов прошлого. Отсутствие позитивных идеалов.

Не знаю, как кого, а меня такое безразличие к нашей истории, к великим предшественникам не просто настораживает, а страшит... Это явный порок наших школ и вузов, нашего воспитания.

Желая как-то повлиять на этот процесс, я ратую за организацию музеев в каждой школе, каждом поселении, за то, чтобы преподаватели рассказывали не только о событиях мирового масштаба, но и не

забывали об истории малой родины, ее людях, особенно тех, на кого нужно равняться.

Вот почему несколько лет назад, когда Ростовское землячество в Москве собралось на очередной юбилей прославленного футболиста, чемпиона Европы Виктора Понедельника, я предложил руководителям области назвать один из стадионов города именем юбиляра. Это предложение горячо поддержал донской поэт Аршак Тер-Маркарян. Были и скептики: мол, ничего не получится. Но они ошиблись. Сегодня в Ростове-на-Дону одна из спортивных школ носит имя Виктора Понедельника! И это решение не только прибавило сил прославленному футболисту, но и порадовало тысячи и тысячи спортсменов, их болельщиков и всех тех, кто ценит заслуги соотечественников. А многие мальчишки и девочки теперь, узнав о пройденном пути известного земляка, приобретут уверенность в том, что, начав свою спортивную карьеру далеко от Москвы, можно добиться общероссийских, европейских и даже мировых титулов.

Но достижения должны заслуживать внимания

А.М. Реунков

общества и государства, и это касается не только спорта или искусства, а всех сфер нашей многогранной жизни, в том числе и на правовом фронте. И потому, узнав о реализации своего предложения в отношении Виктора Понедельника, я с удвоенной энергией стал добиваться увековечивания памяти другого земляка – **Александра Михайловича Реункова**. Почему его?

Александр Михайлович родился в 1920 году на хуторе в простой донской казачьей семье. В школу ходил в районный центр – станицу Казанскую, семь километров туда и семь обратно. И так каждый день. В любую погоду.

Война. За год пребывания на фронте он прошел путь от командира взвода до командира батальона. За год – четыре боевых ордена. После тяжелого ранения он возвращается на родину, где становится помощником прокурора, а затем и прокурором района – одного, другого, каждый раз более сложного. Я не стану подробно описывать прокурорский путь А.М. Реункова. Это обстоятельно сделано в книге заместителя Генерального прокурора России А.Г. Звягинцева. И все же, чтобы читатели, особенно молодые, лучше поняли, каким был прокурор Реунков, я просто расскажу лишь о некоторых эпизодах из его служебной деятельности.

1952 год. Еще жив И.В. Сталин. Коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила. Она правит всеми и вся. В центре и на местах. И вдруг, как гром среди ясного неба, прокурор Азовского района А.М. Реунков возбуждает уголовное дело не просто в отношении рядовых коммунистов, а против местных «вождей» – членов бюро районного комитета партии. Их обвиняют в хищении социалистической собственности. Им угрожает большой срок лишения свободы. Возмутившись решением молодого несговорчивого прокурора, партийные боссы разных уровней требуют немедленного прекращения дела и строжайшего наказания прокурора. Из Москвы в Азов срочно выезжает бригада Прокуратуры СССР во главе с заместителем Генерального прокурора СССР Н.И. Хохловым. Дотошно проверяют действия А.М. Реункова и убеждаются, что он прав. Правда, до суда дело не дошло. Помешала амнистия, наступившая после смерти Сталина. Но, как вспоминал Реунков, «все до одного были исключены из партии и уволены со своих постов».

Спустя годы, когда Александр Михайлович был уже прокурором Воронежской области, на заседании бюро обкома партии, где обсуждались обсто-

ительства одного конкретного уголовного дела, секретари обкома и другие члены бюро стали «учить» прокурора, как следует вести предварительное следствие, кого посадить, а кого освободить... Александр Михайлович, выслушав их наставления, решил не вступать в дискуссию. Он просто взял в руки материалы дела, подошел к первому секретарю и, положив перед ним папку, заявил: «Если вы лучше прокурора знаете, как надо поступить, тогда сами и ведите дальнейшее расследование по этому делу...»

После такого, прямо скажем, рискованного демарша больше ни на областном, ни на районном уровне партийные органы не вмешивались в прокурорские дела.

На своем веку мне довелось познать работу многих прокуроров, в том числе и генеральных. И, должен честно признаться, Александр Михайлович, по моему глубокому убеждению, был прокурором от Бога! Решительный, честный, справедливый!

Таким он оставался и на посту Генерального прокурора СССР. Вот два эпизода, о которых мне поведал бывший начальник Следственной части Прокуратуры СССР Герман Петрович Каракозов. Когда Г.П. Каракозов докладывал А.М. Рекункову об окончании следствия по так называемому «краснодарскому», или «сочинскому», делу, тот в конце доклада заявил:

– Если это дело закончено, то, быть может, начнем ставропольское?

По признанию Каракозова, расследование краснодарского дела было сопряжено с огромными трудностями, нервотряской, угрозами партийных бонз, некоторые из которых находились в дружеских отношениях с самим генсеком Л.И. Брежневым. Следователям приходилось продвигаться, словно по минному полю... И вот теперь, когда это взрывоопасное поле осталось позади, следователям нужна была хотя бы короткая передышка перед новым, не менее сложным наступлением на воров и взяточников... Исходя из этих соображений, Каракозов попросил Генерального прокурора отложить возбуждение ставропольского дела хотя бы на

месяц-два якобы для «зачистки хвостов». Рекунков согласился. А буквально через месяц-полтора М.С. Горбачев, являвшийся ранее первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, стал секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству... При таких обстоятельствах реализация «ставропольского» дела стала для прокурора невыполнимой...

А Горбачев тем временем делает фантастическую карьеру: вскоре избирается Генеральным секретарем, а затем президентом СССР, который и привел некогда могучую державу к трагическому развалу...

Став свидетелем такого поворота истории, Каракозов тяжело вздохнул и подытожил:

– Если бы Александр Михайлович и я могли такое предвидеть, наверняка приняли бы иное решение.

Быть может, и судьба России была бы иной...

И еще об одном услышанном мною от Каракозова эпизоде, который имел место в годы горбачевской перестройки.

Обычно, рассказывал Каракозов, когда в кабинете генпрокурора раздавался кремлевский телефонный звонок, присутствовавшие покидали кабинет, чтобы не слушать разговор... Но однажды, когда при очередном докладе Каракозов, услышав такой звонок, стал пятиться назад, чтобы выйти, Рекунков жестом остановил его. И Герман Петрович стал свидетелем «телефонного права». Звонил один из ведущих секретарей ЦК КПСС. Возмущенный тем, что Прокуратурой СССР были взяты под стражу два крупных партийных деятеля и, несмотря на его (секретаря) указание о немедленном их освобождении, они до сих пор оставались в КПЗ, секретарь буквально с первых слов, не стесняясь в выражениях, обрушился на Рекункова с требованием немедленно освободить «уважаемых товарищей» и дело прекратить. Чаще всего в таких случаях прокуроры берут «под козырек». Но не таким был А.М. Рекунков. Выслушав брань и угрозы, Александр Михайлович спокойно, с достоинством заявил, что дело изучал его заместитель на следствии, а также он лично, и они оба пришли к выводу, что дело против «уважаемых товарищей» было возбуждено

На открытии бюста А.М. Рекункова выступает заместитель Генерального прокурора РФ А.Г. Звягинцев

законно, мера пресечения в виде содержания под стражей избрана правильно, и никаких оснований для их освобождения, а тем более для прекращения уголовного преследования нет.

Через несколько месяцев после этого разговора А.М. Рекункуву предложили покинуть пост Генерального прокурора СССР, и он ушел на пенсию.

Между собой многие прокуроры называли Александра Михайловича «Монумент». Может быть, за его двухметровый рост и стать, за его походку с гордо поднятой головой (так ему легче дышалось после фронтового ранения), а может быть, потому, что он на самом деле был монументом, символом законности, негибкости, принципиальности.

Ветераны вспоминают о нем с большим уважением. Все это и давало мне моральные основания ставить вопрос перед земляками и руководством Генеральной прокуратуры РФ об увековечивании памяти Александра Михайловича. После моего выступления в Ростове-на-Дону лет восемь назад была установлена мемориальная доска на здании прокуратуры Азовского района. Это был первый шаг. А второй удалось осуществить летом этого года благодаря огромным усилиям земляка А.М. Рекункува московского строителя Ю.А. Мелихова и активной помощи заместителя Генерального прокурора РФ, писателя А.Г. Звягинцева. Результат: имя А.М. Рекункува присвоено школе, в котором он учился, а его бюст установлен во дворе этой школы.

На торжество, посвященное такому замечательному событию, в станицу Казанскую приехали А.Г. Звягинцев, губернатор Ростовской области В.Ю. Голубев, прокурор этой области Ю.А. Баранов, журналисты... Пришли станичники, жители Верхне-Донского и соседних районов. Выстроились ученики школы. Прозвучали речи, воспоминания. Работники прокуратуры Верхне-Донского района пообещали поддерживать со мной постоянную связь, выступать перед ребятами... А ученики в свою очередь в стихах и прозе обещали хорошо учиться и вести себя, равняться на своего знаменитого земляка, открыть в школе музей А.М. Рекункува...

Бюст А.В. Рекункува

кова...

Приехав в Москву, я, естественно, стал делиться своими мыслями и впечатлениями, связанными с поездкой на родину А.М. Рекункува, с участниками тех мероприятий, на которых мне посчастливилось быть. К моему удовлетворению, реакция собеседников была положительной: все соглашались с тем, что люди за свои заслуги должны вознаграждаться обществом и государством как при жизни, так и после ухода из нее. Но, к великому сожалению, мы не всегда это делаем, иногда опаздываем, а иногда просто забываем о них, что, конечно, несправедливо и не может служить оправданием. Ведь недаром в народе говорят: «Ласковое слово и кошке приятно». А человеку? Тем более. Об этом должны помнить не только руководители разных уровней, но и все мы, каждый из нас. Равнодушие нетерпимо не только ко всякого рода проявлениям зла, но и к делам добрым. Если со злом надо бороться, то добро надо стимулировать и всячески поощрять.

«Спешите делать добро!» – призывал тюремный доктор Гааз. И хотя эти слова сказаны давно, но они не потеряли актуальности и в наши дни, особенно для адвокатов. Ведь главное призвание адвоката – оказывать правовую и моральную помощь тем, кто оказался в беде. И надо признать, таких квалифицированных и добросовестных правозащитников среди адвокатов немало. Благодаря своим знаниям, воле, настойчивости они добиваются прекращения дел на стадии предварительного следствия и оправдательных приговоров в суде, снисхождения судов при определении меры наказания, восстановления поправленных прав и т. д., и т. п. Такие адвокаты заслуживают чести и хвалы!

Правда, оппоненты могут сказать, мол, адвокатам присваивается звание «Почетный адвокат России», они награждаются медалью Ф. Плевако. Да, это так. Но этого мало. Многие ли адвокаты за свои заслуги награждены государственными орденами и медалями или удостоены звания «Заслуженный юрист России»? Единицы. Почему?

А чем объяснить тот огромный, многократный разрыв между пенсией адвокатов и денежным вознаграждением следователей, прокуроров и судей, достигших пенсионного возраста?

Бывшие следователи, прокуроры, судьи часто становятся адвокатами, а вот наоборот – почти никогда. И опять все тот же вопрос: почему?

Не могу я вспомнить и ни одного факта, когда бы в честь прославленных адвокатов устанавливались мемориальные доски, их именами называли школы, вузы, улицы, села и города. Разве они не заслуживают такой чести? Не помню я и книг из серии «ЖЗЛ», документальных и художественных фильмов, посвященных деятельности адвокатов.

Современные СМИ тоже редко вспоминают о защитниках, не часто можно их увидеть по телевидению, услышать по радио.

Перечень «почему» можно было бы продолжить. Но, отдавая себе отчет в том, что задавать вопросы легче, чем отвечать на них, а тем более решать их, я хочу высказать лишь несколько конструктивных предложений по данной проблеме.

Чтобы устранить недооценку поощрительных

мер и элементы несправедливости при награждении, необходим Федеральный закон Российской Федерации, обстоятельно регламентирующий, кто за что и в каком порядке может быть награжден Президентом РФ, Правительством РФ, органами государственной власти регионов, органами местного самоуправления, различными ведомствами и общественными объединениями, какими льготами могут пользоваться награждаемые и удостоенные почетных званий.

Совсем недавно на груди совсем молодого человека я увидел золотую звезду. Герой России? Оказалось, нет. Это просто такой орден, который ему вручил какой-то неизвестный мне наградной комитет, зарегистрированный как некоммерческая организация. И таких наградных комитетов сегодня много. Правомерна ли их деятельность? Было бы хорошо получить ответ законодателя и на этот вопрос.

Но, как мне представляется, прежде чем принимать решения по затронутым проблемам органами государственной власти, целесообразно широко их обсудить в средствах массовой информации.

Ученицы школы, в которой учился А.В. Рекунков, собираются возложить цветы к его бюсту

Российская академия адвокатуры и нотариата ВЫСШИЕ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ АДВОКАТОВ РФ

Российская академия адвокатуры и нотариата приглашает адвокатов пройти обучение на постоянно действующих Высших курсах повышения квалификации адвокатов РФ – по программам: «Введение в профессию» (72 академ. часа), «Деятельность адвоката в уголовном процессе» (72 академ. часа), «Деятельность адвоката в гражданском процессе» (72 академ. часа), «Деятельность адвоката в арбитражном процессе» (72 академ. часа) и в тренингах: «Медиация в адвокатской деятельности» (28 академ. часов), «Судебные прения» (28 академ. часов), «Психология профессиональной деятельности адвоката» (28 академ. часов).

В июне 2013 года Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ по программе «Деятельность адвоката в уголовном процессе» окончили:

1. Алешина Мария Александровна
2. Белов Олег Юрьевич
3. Бессонов Михаил Владимирович
4. Болдуев Алексей Владимирович
5. Бородин Виктор Анатольевич
6. Гусев Антон Александрович
7. Дикий Игорь Николаевич
8. Достовалов Петр Владимирович
9. Дягилев Андрей Владимирович
10. Кандауров Роман Юрьевич
11. Кирсанова Валерия Александровна
12. Комарова Вера Владимировна
13. Кузьмина Валерия Михайловна
14. Лебедева Наталья Александровна
15. Маркин Михаил Николаевич
16. Мартиросян Карина Валерьевна
17. Надельсон Алексей Александрович
18. Наumenко Виталий Викторович
19. Раудин Василий Васильевич
20. Репина Марина Николаевна
21. Романова Валерия Евгеньевна

22. Сандрукян Сергей Эдуардович
23. Фирсов Дмитрий Александрович
24. Хантимилов Владимир Сергеевич
25. Шабуров Владимир Михайлович
26. Шалимова Ирина Анатольевна
27. Ярославцев Ярослав Вячеславович

Участники тренинга «Судебные прения»:

1. Вербовой Сергей Валерьевич, АП г. Москвы
2. Горнак Алена Васильевна, АП г. Москвы
3. Завалько Аркадий Викторович, АП г. Москвы
4. Комарова Елена Александровна, АП г. Москвы
5. Лабузова Надежда Юрьевна, АП Ростовской обл.
6. Новкин Владимир Яковлевич, АП Ямало-Ненецкий АО
7. Пыжова Галина Васильевна, АП Курской обл.
8. Семенов Вячеслав Михайлович, АП Иркутской обл.
9. Сидоров Федор Евгеньевич, АП Нижегородской обл.
10. Сидорова Елена Борисовна, АП Нижегородской обл.
11. Старовойтов Алексей Иванович, АП г. Москвы
12. Хомяков Андрей Николаевич, АП МО
13. Хохлов Андрей Вячеславович, АП г. Москвы
14. Шевченко Игорь Николаевич, АП г. Москвы

ВЫСШИЕ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ НОТАРИУСОВ РФ

Российская академия адвокатуры и нотариата приглашает нотариусов, помощников нотариусов, стажеров и сотрудников контор пройти обучение на постоянно действующих Высших курсах повышения квалификации нотариусов РФ – по программе «Вопросы применения законодательства в нотариальной практике (72 академ. часа).

Уважаемые читатели!

Чтобы оформить подписку на журнал «Адвокатские вести России», вам необходимо:

- заполнить бланк квитанции;
- оплатить подписку в любом отделении Сбербанка;
- отправить квитанцию об оплате или ее копию по почте на адрес редакции:
105120, Россия, г. Москва, Малый Полудяровский пер., д. 3/5 или по факсу (495) 917 22 39,
e-mail: a_vesti@inbox.ru.

Для удобства оплаты воспользуйтесь опубликованной квитанцией. Ваша подписка начнется со следующего номера на момент получения нами квитанции об оплате.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2013 ГОД
(сдвоенные номера):

на 1 номер 150 руб.
на 2 номера 300 руб.
на 3 номера 450 руб.
на 4 номера 600 руб.
на 5 номеров 750 руб.
на 6 номеров 900 руб.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма ПД-4

Получатель платежа	„Гильдия российских адвокатов”
	ИНН 7709054993
	ОАО „Банк ВТБ”
	БИК 044525187
Корреспондентский счет	3010181070000000187
Расчетный счет	4070381020000000102
Ф.И.О., адрес плательщика	

Кассир

Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Адвокатские вести России”			
Плательщик			Р 0903

КВИТАНЦИЯ

Форма ПД-4

Получатель платежа	„Гильдия российских адвокатов”
	ИНН 7709054993
	ОАО „Банк ВТБ”
	БИК 044525187
Корреспондентский счет	3010181070000000187
Расчетный счет	4070381020000000102
Ф.И.О., адрес плательщика	

Квитанция
Кассир

Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Адвокатские вести России”			
Плательщик			Р 0903